

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Золушка в шоколаде

Составные части Анастасия
Евлампия Романова

Загадки года
от Дарьи
Донцовой

**НУЖНО
РАЗГАДАТЬ
САМОМУ!**

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова

Золушка в шоколаде

«ЭКСМО»

2007

Донцова Д. А.

Золушка в шоколаде / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2007 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

Разве могу я, Евлампия Романова, остаться в стороне, если друг заболел? Ужасно: у Вовки Костина нет желудка! Именно такой диагноз поставили в платной поликлинике. Ерунда, врут медики, ест-то он вон с каким аппетитом! Врут, чтобы денежки вытянуть на лечение. Не на ту напали! Недаром же госпожа Романова является сотрудником частного детективного агентства! Вот я пойду и разберусь с коновалами, которые за такие деньги ставят такие диагнозы! Кстати, а откуда у заведующей отделением поликлиники взялся медальон покойной Зои Крон? Зря я решила, что ее мать, рассказавшая странную историю о скоропостижной смерти дочери и письме... с того света, сумасшедшая. Сумасшедшие те, кто задумал кошмарную авантюру. Хотя и они не психи – просто преступники. Опять не так: не просто, а очень опасные. Только я никого не боюсь!

© Донцова Д. А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дарья Донцова

Золушка в шоколаде

Глава 1

Никогда не откладывай дела на завтра, отложи их на послезавтра, и у тебя будет два свободных дня.

Тяжело вздохнув, я оглядела кухню. Почему большинству хозяек хочется иметь двадцатиметровое пространство для приготовления пищи? Намного удобнее обладать каморкой, куда втиснуты один шкафчик и плита, тогда не возникнет никаких проблем с уборкой. Ну что там чистить в крохотном отсеке? За пятнадцать минут легко наведешь идеальный порядок и поймешь смотреть телик. А я, несчастная, сейчас стою посреди необъятного помещения и с тоской понимаю: времени, чтобы разобрать кавардак, потребуется уйма! В мойке высится гора грязной посуды, слава богу, она хоть ограничена высотой крана, а то бы достигла потолка. Впрочем, рано я обрадовалась: те тарелки, что не поместились в раковине, пристроены на столе, там же стоят и чашки с остатками чая, кофе, какао, сока...

На спинках стульев висят свитера и пиджаки. Ни Сережка, ни Костин, ни Кирюшка не способны дойти до шкафа и аккуратно расселить одежду. Наверное, привычка разбрасывать повсюду части гардероба, в том числе и носки, является одним из первичных мужских половых признаков. Скажите честно, ваши мужчины непременно кладут носки в корзину для белья? Если так, то поделитесь опытом, каким образом вам удалось выдрессировать мужа или сына.

А туалет? Я имею в виду круг от унитаза. Лично у меня начинается приступ депрессухи при зрелище поднятого стульчака. А еще мужчины смеют упрекать нас, женщин, в неправильном выдавливании зубной пасты! Ей-богу, это смешно!

Не далее как сегодня утром Сережка гневно завопил из ванной:

– Ну сколько можно объяснять? Не жмите на тубик посередине! Аккуратненько давите снизу! Нельзя же быть такими косорукими неряхами!

Мы с Катюшей переглянулись и ничего не ответили, хотя у меня с языка чуть было не слетела фраза: «Может, я и «косорукая неряха», только ни разу не оставила на обеденном столе грязную тарелку, не разбрасываю свои ботинки по прихожей и не забрызгиваю зеркало в ванной».

– И что за хрень мокнет в тазу? – не успокаивался Сережа. – Какая-то пакость! О! Лампа-а-а!

Я вошла в ванную комнату.

– Чего кричишь?

– Здесь дохлая болонка! – взвыл Сережка. – С ума сойти!

Я уставилась на пластмассовый тазик, в котором плавало нечто белое, кудрявое, и правда похожее на крошечную собачку, и взвизгнула:

– Мама! Какой ужас!

Сережка схватил полотенце, начал дрожащими руками вытирать вспотевший лоб, и тут до меня дошло: никаких крошечных собачек в нашей квартире нет. Мопсы и стаффиха стерилизованы, а Рамик не способен принести в подоле потомство, наш двортерьер кобель и...

– Это Лолита, – сообщила Лизавета из коридора.

Сергеа выронил полотенце, но успел поймать на лету.

– Кто?

– Что? – обернулась я.

Лиза хихикнула и заглянула в дверной проем.

– Вы забыли, да? Вот как ко мне относитесь! Не обращаете внимания на мои проблемы, не интересуетесь...

Я привалилась к стене. У Лизаветы с большим опозданием начались проблемы подросткового возраста, по любому поводу она теперь обижается.

– Сделай одолжение, – прошипел Сережа, – объясни, кто такая Lolita и почему она покончила с собой в нашей ванной? Что за существо утонуло в муках? Пудель? Котенок?

– Овца, – пожала плечами Лизавета.

– Издеваешься, да? – взвыл Сережка. – Да жене козла ни за какие пряники в пластиковом тазу не поместиться!

Лиза засмеялась:

– У козла жена – коза. Супруга овечки зовут бараном.

– Мне без разницы! – рявкнул он.

– О боже! – закатила глаза Лизавета. – Живу с посторонними людьми, которых ничего, кроме еды, не колышет! Плюшевую овечку мне подарила Катька Кудрина на день рождения. Я назвала игрушку Lolita, это моя любимая сплюшка.

В глазах Сергея вспыхнул нехороший огонек.

– Кто? Соплюшка?

– Сплюшка! – топнула ногой Лизавета. – Я с ней сплю!

– Офигеть... – протянул Сережка.

– На ночь я люблю съесть шоколадку, – неожиданно мирно пояснила Лиза, – вчера я уронила кусочек на простыню, перемазала Lolиту, вот и решила замочить овечку и постирать. Она, кстати, очень прикольно мекает. Послушай!

Лиза прошмыгнула в ванную, выхватила кудлатую овечку из воды и затрясла ею перед моим лицом.

– Офигеть, – повторил Сережка, швырнул скомканное полотенце на стиральную машину, промахнулся и ушел, оставив его лежать на полу.

Я молча наклонилась, подобрала. Не стоит злиться на парня, ну недобросил немножко, зато он всегда аккуратно выдавливает зубную пасту из тюбика.

– Молчит, – грустно констатировала Лизавета. – Почему? Так здоровски мекала!

– Овца бекает, – неосторожно возразила я.

Глаза Лизаветы наполнились слезами.

– У меня горе, а вокруг одни зануды!

– Ты вынула из нее батарейку? – спросила я.

– Какую? – прекратила стенать девочка.

– Игрушка издает звуки при помощи источника тока. Если перед стиркой не вытащить его, то твоя «сплюшка» онемееет.

Большая прозрачная слеза потекла по щеке девочки.

– Вот ты какая! – плаксиво протянула она. – Почему не предупредила? Откуда мне знать про батарейку?

– Лизочек, – ласково прожурчала я, – давай рассуждать логически. Ты в котором часу замочила Lolиту?

– В двенадцать комп выключила, съела шоколадку, измазала овечку... – начала загибать пальцы она.

– А я отправилась спать в десять, понимаешь? Я же не видела, как ты замачивала бедную Lolиту в тазу! И никак не могла тебя предупредить!

Секунду Лизавета стояла с открытым ртом, потом закричала:

– Могла бы предусмотреть, сообразить, понять... Ну почему тебе в голову не пришло: Лиза съест ночью шоколадку, запачкает Lolиту и испортит водой любимую сплюшку? Взяла бы

и сказала мне заранее: «Не совершай глупости, родная. Оставь Лолочку на стиральной машине, завтра утром я ее тебе осторожненько искупаю». Вот ты какая! Лишь о себе заботишься!

Зарыдав, Лиза швырнула на пол ни в чем не повинного плюшевого уродца и унеслась прочь.

Я онемела от абсурдности ее претензий, потом подобрала овечку, выжала, отнесла на лоджию и положила на пластиковый столик. Пусть сначала обсохнет на солнышке, а потом я подумаю, что делать. Можно ли починить игрушку, не знаю, а вот успокаивающие таблетки для Лизаветы приобрести необходимо. И еще я решила: сейчас не стану высовывать нос из своей спальни, уеду домашние на службу, тогда и займусь уборкой. У меня сегодня выходной, и провести его следует с толком. А какой тут толк, если с утра пораньше я начну раздражаться?

Когда за последним домочадцем захлопнулась дверь, я, облегченно вздохнув, собрала собак, погуляла с ними, раздала псам утреннюю кашу и принялась обозревать пейзаж: грязные чашки, раскиданная одежда и так далее.

Через пять минут в голову закралась крамольная мысль: может, не затевать грандиозной уборки? В конце концов, все снова покроется пылью. Ну согласитесь, есть в труде домохозяйки некий налет мазохизма – трешь-трешь, прибираешь-прибираешь, а воз и ныне там, как говорится. Лучше я сейчас просто распахну вещи по шкафам и вымою посуду, а уборку кухни отложу на завтра, нет, на послезавтра, тогда у меня получится два свободных дня.

Меня охватило невероятное чувство радости. Господи, как просто стать счастливой: надо лечь спать с мыслью о завтрашней генеральной уборке, а утром отложить противное занятие на неопределенный срок.

Напевая веселую мелодию, я живо сгребла шмотки, ловко расправилась с посудой, сварила себе чашечку кофе, упала в кресло, положила ноги на пуфик, включила телевизор и застонала от восторга. Сериал «Тайны следствия» только начался, по экрану бежали титры, потом появилась Анна Ковальчук в форме прокурора. Как мне повезло! Сейчас оттянусь по полной программе! Раньше семи дома никто не появится, кофе вкусный, булочка с маком свежайшая, кино любимое...

– У нас есть масло? – раздался сердитый бас.

Я подпрыгнула, как кролик, услышавший шорох змеи в кустах.

– Кто здесь?

– А кого ты ждешь? – протянул Костин, открывая холодильник.

– Вовка! Ты?!

– Неужели я так успел измениться за несколько часов отсутствия, что меня невозможно узнать? – скривился майор. – Извини, конечно, если разочаровал тебя, но... да, это всего лишь я, скромный мент.

– Что случилось?

– Не могу выпить кофе? – обозлился Вовка. – Похоже, я тебе помешал. Ладно, уйду к себе!

Я тяжело вздохнула. Если в вашем доме живут подростки и мужчина, пребывающий в кризисе среднего возраста, примите мои искренние соболезнования. Покоя вам не будет, и первые, и второй станут занудничать, обижаться по каждому поводу, качать права и требовать к себе эксклюзивного внимания.

Можно, конечно, сейчас пожать плечами и продолжать наблюдать за приключениями Маши Швецовой, но мне неприятна даже мысль о ссоре с Костиным.

Я нажала на пульт, экран погас. Я встала из удобного кресла и с фальшивой радостью сказала:

– С удовольствием сделаю для тебя яичницу!

Вовка опустил на стул и подпер голову руками.

– Кругом одни идиоты, – мрачно произнес он.

– Ты это обо мне? – уточнила я.

– Нет, – без тени улыбки ответил майор, – облом у меня вышел.

– Какой? – лишь из хорошего воспитания поддержала я разговор.

Костин насупился и стал рассказывать:

– Подготовили мы операцию! Тщательно! Учили все мелочи!

Я села у стола и начала кивать. Похоже, приятелю надо выговориться.

– С раннего утра залегли в засаде, – бубнил Костин, без особой охоты ковыряясь вилкой в яичнице. – Представляешь картину? Небольшой лесок, неширокая дорога, ведущая в деревеньку, никого нет, шоссейка тупиковая, только местные катаются. В зеленой полосе притаились парни из ОМОНа и мои ребята...

– Зачем? – заинтересовалась я.

Костин моргнул.

– Вследствие проведенных оперативно-розыскных мероприятий нами был обнаружен тайник, куда предполагаемый преступник сложил похищенные драгоценности. Никаких прямых улик против мужика не было, наоборот, сплошные положительные характеристики: отличный семьянин, великолепный работник, просто зефир в шоколаде. Но я нутром чуял – это он ювелирный магазин грабанул!

– Чутье к делу не пришьешь, – сочувственно кивнула я.

Костин отодвинул тарелку с почти нетронутой едой.

– И тут информатор стукнул про тайничок. Появился шанс взять злодея в тот момент, когда он за золотишком полезет. Вот и устроили засаду. Бойцам велели не шевелиться, не дышать, чтобы фигурант ничего подозрительного не заметил. Он вскроет захоронку, хапнет украденное, ну и... Понятно?

– Более чем, – кивнула я.

– Ага, – фыркнул Вовка, – мне тоже показалось: все тип-топ будет. И покатилося дельце. «Наружка» отрапортовала: объект из дома выехал, движется в сторону шоссе. Я велел «хвосту» отцепиться, не дай бог, еще вспугнут. В общем, паримся в засаде. Раздается шум, появляется машина. Я в непонятках: у нашего подозреваемого «БМВ» черного цвета, а тут красная «Мазда», бабский вариант, нормальный мужик на подобной ездить не станет. Едва удивился, иномарка тормозит, из нее тетка вываливается и прямехонько в лесок, туда, где ОМОН и мои парни. К тайнику шуршит! Я от злости чуть бинокль не сожрал. Вот оно что, думаю, сам побоялся идти, хитрый гад, подослал казачка! Осторожный! И чего делать? Возьмем бабенку – дядьку вспугнем... В общем, пока я обдумывал ситуацию, раздается дикий вопль, женщина вылетает из леса на шоссейку и... падает без чувств. Тишина! Все затаились, никто не понимает, что происходит. И вдруг на дороге появляется черный «БМВ». Притормаживает, но тут же живо разворачивается – и деру. Операция сорвана! Мы к бабе, та без сознания. Вызвали «Скорую», тетку в больницу повезли. Подходит ко мне Валерка Ситников... Урод! Дурак! Дебил! Нет, ты не поверишь!

– Что тебе сказал Ситников?

Костин усмехнулся.

– Валерка залег в овражке и прикрылся лопухами. В общем, и не понять, что в канаве мужик притаился. А тетке той в туалет, оказывается, приспичило. Добежала, сердешная, до удобного местечка, присела... Ситников чуть не умер – ну прямо над его головой... кхм... нависла... Вот и не выдержал. Тихонечко так, вежливенько, он без всякого хамства попросил: «Гражданочка, сделайте одолжение, переместитесь чуть левей, а то вы аккурат над моей башкой пристроились».

Я зарыдала от смеха, а Костин, нахмурившись, завершил рассказ:

– Баба душой оказалась – заорала, завизжала, на дорогу понеслась. И сознания лишилась. Чума! Сорвала нам операцию.

– А как бы ты отреагировал на ее месте? – еле-еле выговорила я. – Со мной бы точно удар случился. Нашла тихий уголок, вокруг ни души, присела, и тут из-под земли мужской голос. Знаю отлично твоего Ситникова, небось гавкнул, как ротвейлер!

Вовка поморщился и ничего не ответил.

– Доедай яичницу, а то остынет, – напомнила я.

– Неохота, – мрачно ответил майор.

– Она с докторской колбасой!

– Спасибо, – тихо сказал Костин. – Пойду лучше лягу, а то всю ночь не спал.

Я удивилась. До сих пор, несмотря ни на какие неприятности, Вовка не терял аппетита. Более того, хорошая котлета, тарелка жареной картошки или омлет с зеленым горошком всегда служили для майора антидепрессантом. В каком бы гадком настроении ни возвращался наш борец с преступностью домой, слолав многоэтажный бутерброд, он обычно сразу веселел. А сегодня...

– Еще что-то произошло? – с тревогой поинтересовалась я.

– Нет.

– Начальство клизму поставило?

– Игорь Сергеевич в отпуске, я его временно замещаю.

– Машина сломалась?

– Бегает пока.

– С процентом раскрываемости беда?

– Тьфу-тьфу, вроде в этом месяце нормально.

– Тогда ешь яичницу, не пугай меня! – потребовала я.

А Вовка внезапно побледнел и ринулся в туалет. Я понеслась за ним. Услышала булькающие звуки, дождалась, пока бледный майор выйдет в коридор, и налетела на него:

– Тебя тошнит?

– Ага, – признался Костин. – Крутило, крутило желудок, а сейчас просто наизнанку вывернуло.

– Что случилось?

– Наверное, забеременел, – с мученическим лицом ответил приятель. – Сделай одолжение, купи в аптеке тест.

– Вроде у Юли в шкафу лежал один нетронутый, – ляпнула я машинально и тут же остановилась. – Ты издеваешься?

– Вовсе нет, – простонал Вовка. – По какой еще причине может безостановочно мутить здорового человека?

– Что ты пил?

– Кофе.

– И только?

– Да.

– А ел что?

– Ну пирожок.

– И с чем «нупирожок» был? – обозлилась я. – Когда ты кусал его, он лаял или мяукал?

– Мне плохо, а ты издеваешься, – прошептал Костин.

– Встать можешь?

– Конечно.

– Тогда поехали.

– Куда?

– В морг! – рывкнула я, беря ключи от машины.

– Я еще не умер, – мрачно улыбнулся майор.

– А мы еще и не доехали, – процитировала я бородатый анекдот. – Катя, к сожалению, улетела в командировку, поэтому придется обратиться к врачу в поликлинике. Хорошо, что она предусмотрительно записала нас в хорошее место, где, правда, к счастью, никто пока не был.

– Не хочу к доктору, – закапризничал майор, – терпеть не могу поликлиники. Еще анализы сдавать заставят...

– Ладно, – кивнула я, – тогда «Скорую» вызову. Вдруг у тебя аппендицит?

– Час от часу не легче! – закатил глаза Костин. – Ты ведь не оставишь меня в покое?

– Нет, – решительно ответила я. – Если ни с того ни с сего человеку вдруг стало плохо, необходимо выяснить причину недомогания.

Глава 2

В поликлинике было немногочленно, но девушка, сидевшая за стойкой с табличкой «Справочная», выглядела какой-то замотанной.

– Вам чего? – бесцеремонно спросила она.

– У мужчины сильно болит живот, – ответила я, удивленная тоном девицы.

– Вы у нас на учете? – насторожилась та. Она явно надеялась избавиться от докучливых посетителей, потому что сразу добавила: – Неприкрепленных не обслуживаем, идите по месту жительства или вызывайте «Скорую».

Но я разочаровала нахалку, спокойно ответив:

– Да, мы оплатили полный пакет услуг – от осмотра терапевта до гоститализации. Фамилия заболевшего Костин, имя Владимир.

Протяжно вздохнув, девушка взяла «мышку», уставилась в монитор компьютера и с глубокой тоской констатировала:

– Есть такой. И чего надо?

– Пока консультацию врача, – собрала я в кулак все свое терпение.

– Ладно, – кивнула она, – ступайте в регистратуру, вам там дадут талончик.

Усадив бледного Вовку на диван, я начала сложную процедуру под названием «получение медицинских услуг лицом, оплатившим контракт». Для начала пришлось купить бахилы, чтобы проникнуть в холл первого этажа. Приобретение бахил не обозлило, а, наоборот, порадовало меня – значит, здесь пытаются соблюдать чистоту. Преодолев первое препятствие, я оказалась у регистратуры, и здесь завязался милый разговор. Женщина примерно моих лет без всякой улыбки спросила:

– Цель визита?

– Посещение врача.

– Какого?

– У мужчины тошнота, боли в животе, слабость... – начала я перечислять симптомы Вовкиного недуга.

– Гинеколог будет в семнадцать часов, – перебила меня регистраторша.

Я кашлянула, посмотрела на прикрепленный к белому халату бейджик и, изо всех сил сохраняя вежливость, сказала:

– Уважаемая Елена, больной – мужчина.

– Нарколог в отпуске, – прозвучало в ответ.

– Стоматолог нам тоже не нужен! – все же не сдержавшись, рявкнула я.

Елена усиленно захлопала густо накрашенными ресницами, скривила напوماженный рот в недовольную гримасу.

– Не пойму никак, – проронила она – чего вы хотите-то?

Я вцепилась пальцами в пластиковую столешницу рецепшен.

– Елена! Владимир Костин – мужчина, гинеколог ему без надобности, у него нет органов, по которым специализируется данный врач. К наркологу ему тоже ни к чему, заболевший не алкоголик. У него неполадки с желудком, и дантист тут ни при чем. Думаю, лучше дайте направление к хирургу, чтобы исключить аппендицит.

– Я бы посоветовала гастроэнтеролога, – вымолвила Елена.

Я обрадовалась, – очевидно, в этой цитадели медицинских услуг долго запрягают, да быстро едут.

– Замечательно, – кивнула я, – мы готовы отправиться в кабинет.

– Приходите двенадцатого октября в семнадцать тринадцать, – флегматично заявила Елена.

- Но сегодня третье сентября, – ошалело напомнила я.
- Верно. Гастроэнтеролог со вчерашнего дня в отпуске.
- Зачем тогда вы предлагаете отправиться к нему на прием?
- Елена выпучила глаза и стала похожа на пекинеса.
- Но он же вернется и окажет вам помощь!
- Двенадцатого октября?
- Ну да.
- А сегодня третье сентября, – повторила я.
- Правильно, – закивала Елена. – Может, у вашего мужа живот сам по себе и пройдет!

Сплошь и рядом такое бывает: утром скрутит, а вечером отпустит.

Я уставилась на мило улыбающуюся регистраторшу. Стоявшая позади меня и явно прислушивавшаяся к нашей беседе дама начала судорожно кашлять. Внезапно мне на ум пришел анекдот, который вы, вероятно, знаете.

Перед закрытием поликлиники в кабинет хирурга вбегает человек и кричит:

- Доктор, мне плохо!
- Обращайтесь завтра, – бубнит врач, не отрывая глаз от каких-то бумажек, – рабочий день закончен.

- Я ранен, – вопит мужчина, – кровь хлещет!
- О господи, – вздыхает эскулап, – а Марь Иванна только-только кабинет помыла.
- Умираю, – не успокаивается надоеда.

«Гиппократ» поднимает взор и видит перед собой парня, у которого из уха торчит здоровенный нож.

– Дружочек! – бурно радуется хирург. – Вам не ко мне, а к отоларингологу, в пятый кабинет...

- Так что, записывать на двенадцатое октября? – оживилась Елена.

Я стукнула кулаком по столешнице, регистраторша подскочила на стуле.

– Значит, так, – прошипела я, – слушай меня внимательно. Владимир Костин ответственный сотрудник МВД...

- Ой! – испугалась Елена.
- Большой начальник...
- Ой-ой!

– Генерал, – в ажиотаже врала я, – представлен к званию маршала. Сейчас щелкнет пальцами, и к вам сюда явятся ОМОН, группа немедленного реагирования, администрация президента, съемочная бригада программы «Время» и налоговая инспекция!

Елена прижала ладони к лицу.

– У вас все в порядке с бумагами? – ехидно поинтересовалась я. – Все чеки на месте? Проверочки не опасаетесь?

Елена вскочила и бросилась в глубь регистратуры.

– Девочки, – послышался из-за шкафов ее задыхающийся голос, – тут маршал из налогового управления явился, с милицией! У него боли в животе... Ой, он меня убить грозит! Ага! Да! Сейчас!

Поправляя на ходу прическу, Елена прибежала назад и развила бурную деятельность. Не прошло и десяти секунд, как к Костину, ничего не знающему о своем начальственно-эксклюзивном статусе, подбежали три хорошенькие медсестры и зашебетали:

- Сюда, пожалуйста.
- Вас примет Олег Николаевич.
- Чудесный доктор!
- Осторожно, не споткнитесь!
- Аккуратненько, тут плиточка на полу выщерблена...

Мне стало смешно и противно одновременно. Ну и что изменилось в медицинском обслуживании после того, как оно стало платным? Только бахилы появились, все остальное осталось прежним.

– Девушка, – окликнула меня Елена, – надо завести господину маршалу карточку.

Я вытащила из сумочки бордовую книжечку.

– Вот его паспорт.

Регистраторша с явным интересом перелистала документ.

– Такой симпатичный, молодой и холостой, еще и с постоянной московской пропиской... – протянула она. – Чего же семью не завел?

– Если я отвечу на ваш вопрос, это поможет установить правильный диагноз? – прищурилась я.

Елена покраснела.

– Вам в твердом или мягком? – вдруг спросила она.

– Простите, не поняла.

– Историю болезни в каком переплете заводить? В бумажной обложке или из искусственной кожи? Последняя практичней.

– Хорошо, – кивнула я, – давайте дерматиновую.

– Триста рублей.

– За что?

– Сами же захотели элитный вариант, – обиделась регистраторша. – Кстати, определитесь с цветом: есть розовый, голубой, черный, синий, коричневый.

– Самый темный, – скрипнула я зубами.

– Десять рублей.

– За подбор цвета? – издевательски поинтересовалась я.

– Угу, – серьезно кивнула Елена, – это не входит в перечень услуг, указанных в вашем контракте. Вы сядьте пока вон на тот диванчик и подождите.

Я дошла до кожаного уroda и рухнула в мягкие подушки. Колени оказались выше головы, спина скрючилась. Самая удобная мебель для больных людей! Если вы имеете в анамнезе артрит, остеохондроз, прострел, миозит или вы просто не тренированный физически человек, выкарабкаться из объятий дивана будет затруднительно, без чужой помощи встать не сумеете. Да и здоровому не слишком-то удобно сидеть в позе паука, когда голова находится ниже коленных суставов. Будем надеяться, хоть хирург тут знающий и сразу поймет, что случилось с Вовкой.

– Извините, пожалуйста, – тихо прозвучало сбоку, – вашему мужу совсем плохо?

Я повернула голову и увидела милую даму неопределенных лет, одетую в строгий, слишком теплый для погожего сентября твидовый костюм. Кажется, это она стояла за мной у стойки рецепшен. Тонкие пальцы незнакомки, украшенные красивыми колечками, сжимали ярко-красный мобильный телефон, дорогой и модный.

Я очень хорошо знаю, сколько стоит подобная трубка – месяц назад Сережка подарил мне точь-в-точь такой сотовый. Вручил его и сказал:

– Пользуйся. Надеюсь, не потеряешь, как три предыдущих.

– Спасибо! – обрадовалась я. – Уж извини, я просто не понимаю, куда исчезают телефоны. Всегда аккуратно кладу мобильник в сумочку, а потом смотрю – его нету!

– Зато у любящих близких нет никаких проблем с выбором для тебя подарков к празднику, – ухмыльнулся старший сын Катюши, – новая труба всегда кстати. Да, извини, в коробке остался чек. Знаю, что неприлично прикладывать его к презенту, но без него гарантия недействительна.

Я раскрыла упаковку, увидела цену подарка и обомлела.

– Ты с ума сошел! Зачем столько денег потратил?

Сережка прищурился.

– У женщины должны быть прекрасны не только сумка, туфли, макияж, прическа, но и мобильник. Уж поверь мне, опытному пиарщику, старому полковому коню, беглый взгляд на мобилу помогает составить точное представление о человеке, его характере и материальном положении.

– Со второй частью высказывания – про материальное положение, еще можно худо-бедно согласиться, – кивнула я, – но с первой... Как ты определишь сущность человека, глядя на аппарат?

Сережка улыбнулся.

– Недавно к нам приехал такой крутой перец! Весь в охране, разговаривает жестко, просто дон Корлеоне, непобедимый и непрошибаемо суровый. Вот только в качестве заставки у него на мобиле фотка любимой кошки. Знаковый штришок, о многом умному человеку скажет...

– Бога ради, простите, что мешаю в минуту, когда все ваши мысли о супруге, – продолжила дама с телефоном, – но, похоже, мне вас судьба послала. Можно я присяду?

– Да, конечно, – кивнула я, не понимая, чего хочет от меня эта женщина.

– Меня зовут Ия. Ия Вадимовна Крон, если по паспорту, – представилась дама. – Но лучше не величать по отчеству: как только я слышу «Ия Вадимовна», сразу вспоминаю про возраст. Зовите меня просто – Ия.

– Рада знакомству, – сказала я, – Евлампия Романова, друзья обращаются ко мне просто: Лампа.

– Понимаете, – всплеснула руками Ия, – я столкнулась с невероятным равнодушием правоохранительных органов. Ходила по инстанциям, но всякий раз натыкалась на каменную стену. И в районном отделении милиции, и в прокуратуре отвечают одинаково: никаких причин для возбуждения уголовного дела нет. Но как же так...

Я постаралась удержать на лице улыбку, а мысленно себя пожалела: ну, влипла ты, Лампа. Есть люди, абсолютно уверенные в том, что приключившаяся с ними мелкая неприятность должна поставить на уши все службы города. Я очень хорошо помню, как одна бабуля, Анфиса Сергеевна Петрова, довела Костина до нервного припадка.

У нее сперли байковый халат, который она весьма опрометчиво повесила сушиться после стирки на перила балкона. Когда-то в Москве строили здания, у которых лоджии имелись даже в квартирах на первых этажах, вот Анфиса Сергеевна и жила в такой. Навряд ли старый шлафрок украли криминальные личности, вероятнее всего, жуткую хламиду унесли подростки или пьяные мужики, но Анфиса Сергеевна была уверена: ценное изделие из байки увели «члены преступной группировки с целью получения наживы нетрудовым путем». Именно так гражданка Петрова написала в своем заявлении.

Бабуля ворвалась в кабинет к Костину (причем, как она ухитрилась без пропуска миновать строгую охрану, осталось за гранью понятного) и потребовала открытия уголовного дела. Вовка постарался избавиться от активной пенсионерки, та ушла обиженная, майор успокоился, а зря. У Анфисы Сергеевны имелся внучок Павел, который работал персональным водителем у некоего большого начальника. Для непосвященных объясню: личный шофер – это особа, приближенная к императору, человек, который имеет прямой доступ к телу чиновника. Ему нет необходимости писать письма, отправлять их через канцелярию и годами ждать приема у «шишки».

Бабуля нажаловалась внучку, тот попросил защиты у хозяина, барин взял трубку и соединился с Вовкиным начальством. То велело Костину немедленно отложить все проблемы и сосредоточиться на поисках халата старушки. Представляете радость Костина? Все сотрудники МВД обожают «глухари» и «висяки», а дело об украденном халате принадлежало к разряду нераскрываемых.

Майор приуныл, но потом ему в голову пришло гениальное решение. Костин сгонял на рынок, купил шлафрок, по описанию точь-в-точь как бабкин, и торжественно вручил его потерпевшей со словами:

– Вот, держите, нашелся.

Анфиса Сергеевна поджала губы.

– Это не мой! Здеся новый халат.

– Он омолодился в процессе экспертизы, – не растерялся майор, – чтобы снять отпечатки пальцев, его в особом составе постирали.

– И пуговицы другие, – не утихала вредная бабка.

– Их преступник сменил, – бойко ответил Вовка, – из конспирации старые срезал, а новые пришил.

– Так верните, – насупилась пенсионерка.

– Что? – растерялся майор.

– Застежки, – каменным голосом заявила Анфиса Сергеевна. – Восемь штук их было, беленькие, каждая с четырьмя дырочками, очень удобные, в петли хорошо пролезали...

Глава 3

– Я как услышала, что ваш супруг маршал милиции, сразу решила, наплевав на приличия, обратиться к вам с просьбой, – вещала Ия. – Не подумайте, я вовсе не нахалка, просто ситуация очень странная... Вы мне поможете? У вас такое доброе лицо!

Я решила вежливо отделаться от назойливой бабы, поэтому быстро сказала:

– Владимир мне не муж! Просто мы живем вместе.

Не успела фраза вылететь изо рта, как до меня дошла ее двусмысленность.

– Какая разница, – воспользовалась Крон моей оплошностью, – не в штампе дело.

– Мы всего лишь друзья, – попыталась я внести ясность, – и Володя не маршал. Кстати, у милиционеров нет этого звания.

– Ваш приятель занимает высокий пост!

– Ну... в принципе... да. Костин теперь начальник отдела, – согласилась я.

– Умоляю, устройте мне с ним свидание!

– Володя плохо себя чувствует.

– Я подожду, пока он выздоровеет.

– Ладно, сейчас запишу ваш телефон, – решила я избавиться от приставалы проверенным способом. И, чтобы у дамы не возникло никаких сомнений в честности моих намерений, открыла сумочку, вытащила мобильный и велела: – Диктуйте!

Ия помотала головой и откинула крышку своего телефона.

– Лучше свой дайте, так будет надежнее.

– Извините, но я не имею права сообщать свой номер малознакомому человеку, – решительно ответила я. И добавила: – Условия рабочего контракта такие.

– У меня беда, – прошептала Ия, – дочь погибла, никого рядом, черная пустыня, и вдруг случается непонятное...

Не договорив, она бросила на столик телефон, села на диван и заплакала. Я тоже положила свой мобильный на стеклянную столешницу, около пачки растрепанных журналов, потом быстрым шагом приблизилась к рецепшен и окликнула администраторшу:

– Вашей клиентке плохо, дайте воды.

– Госпожу Евлампию Романову незамедлительно просят подойти к двенадцатому кабинету! – звонко прокатилось по коридору.

– Это что, меня зовут? – растерялась я.

– Вас! – всполошилась Елена. – Бегите скорей, небось маршалу совсем нехорошо стало, как бы не помер! Эх, жаль, я уже карточку завела, теперь он нам процент смертности повысит...

Я кинулась к столику, схватила сумку, мобильный и, разом забыв про Ию, побежала в глубь здания.

Возле двери на стульях сидели люди. Увидав, что я хочу войти в кабинет, они начали возмущаться:

– Очередь займи!

– Мы тут с утра паримся!

– Еще одна приперлась...

Я сделала шаг назад, но в ту же секунду створка распахнулась, высунулась медсестра в голубом халатике.

– Чего раскричались? – сурово поинтересовалась она.

– Так безостановочно идут, – занервничали больные, – шмыгают в кабинет!

Медсестра окинула меня взглядом и требовательно спросила:

– Фамилия?

– Романова.

– Заходи!

– Черт-те что! – заорал дед в красном свитере. – Что за фря такая?

– Она из платных клиентов, – снисходительно пояснила помощница врача, – и имеет право на первоочередное обслуживание.

– А мы, значит, второсортные? – забушевал старик.

– Нет, – спокойно ответила медсестра, – вы бесплатные. Муниципальных мы принять можем лишь потому, что «випы» контракт купили. Ясно? Сидите молча. Не пройдете сегодня, притопаете завтра. Да и чем вам еще заниматься? На пенсии же давно!

Очередь обиженно притихла.

– Проходите, девушка, – сладко заулыбалась особа в голубом халате.

Мне стало стыдно. Медсестра, очевидно, тоже испытывала некоторый дискомфорт. Она вновь повернулась к бабушкам и дедушкам, замершим на стульях, и со вздохом произнесла:

– Нечего лаяться, вы-то еще скрипите, а я сейчас УЗИ ее супруга видела, так не дай вам бог такое...

Старухи начали быстро креститься, старик в красном свитере махнул рукой, а я похолодела. Вцепилась в халатик девушки и прошептала:

– Что с Володей?

– Все замечательно, – бойко ответила врунья. – А вообще, я средний медицинский персонал, любые вопросы к врачу, сейчас Олег Николаевич вам все объяснит...

Мои глаза заволокло серым туманом. Стараясь не споткнуться, я вошла в кабинет, рухнула на жесткий стул, увидела большое белое пятно и услышала голос:

– Не волнуйтесь.

– Да, да, конечно, – ответила я, по-прежнему не различая лица хирурга. – Что с Володей?

– Давно у него боли в желудке?

– Первый раз сегодня пожаловался.

– А раньше?

– Вроде нормально себя чувствовал.

– Придерживался диеты?

– Он же в милиции работает, – пояснила я, – там, как на войне, времени на обед не предусмотрено.

– Какие были роды?

Я потрясла головой, белое пятно приняло форму мужчины в халате, вот только черты лица врача по-прежнему оставались расплывчатыми.

– Роды? Но Костин не рожал детей!

Медсестра прыснула.

– Валентина, – сердито велел хирург, – принеси анализ крови, наверное, уже готов.

– Да, Олег Николаевич, – подхватила помощница, – уже бегу.

– Я спрашивал вас о родовой травме вашего мужа, – уточнил эскулап.

– Ничего о ней не слышала.

– Неужели свекровь не рассказывала?

– Я никогда не была знакома с матерью Костина, и он мне не супруг, просто мы живем вместе, как приятели.

Олег Николаевич встал и протянул лист бумаги большого формата, на котором чернели пятна.

– Видите?

– Что?

– Это результат УЗИ.

– Извините, я ничего не понимаю.

– У Костина нет желудка.

Я чуть не упала со стула.

– В каком смысле?

– В прямом, – ответил Олег Николаевич. – Отсутствует полностью. Ему делали резекцию?

– Чего? – обалдело спросила я.

– Органа пищеварения, – терпеливо пояснил хирург.

– Н-нет, не знаю, но в последние годы точно нет, – проблеяла я, как Лизина утонувшая овца.

– Интересненько... – постучал карандашом по столу Олег Николаевич. – Даже забавно! А чем он у вас питается?

– Всем, – робко ответила я. – Только не подумайте, что я плохая хозяйка, стараюсь готовить исправно: супы, мясо в духовке, курочка на гриле, пирожки. Но, конечно, бывают и готовые изделия – пельмени, сосиски, пицца.

– Пицца... – повторил Олег Николаевич и поднял брови домиком. – А с чем?

– С колбаской, луком и салом, – пискнула я, – это его любимый вариант.

– Прикольно, – перешел на подростковый сленг врач. – Мда... Удивительный случай! Фантастический! Никто не поверит! У больного нет желудка, а он жрет тесто с салом и жив! А вот и анализ... Давайте сюда!

Запыхавшаяся медсестра протянула хирургу бумажку. Брови доктора сдвинулись к переносице.

– Ага... – закивал Олег Николаевич.

– Все так плохо? – судорожно спросила я.

– Да нет, не плохо, – тихо ответил хирург.

Я шумно выдохнула.

– Не плохо, – проговорил он, изучая анализ, – а ужасно. По всем параметрам ваш Костин – труп.

– Где он? – прошептала я. – Покажите Вовку!

Олег Николаевич кашлянул.

– Кстати, Валентина, куда подевался больной Костин?

– Он в буфет пошел, – бойко ответила девушка. – Сказал, что проголодался, ничего еще сегодня не ел.

– И вы разрешили тяжелобольному человеку пойти в столовую? – заорала я.

Олег Николаевич издал звук, похожий на шипение встревоженного кота, а Валентина бойко зачастила:

– Че я должна была делать? Волоочь его в стационар? Так распоряжений не давали! Средний медицинский персонал подчиняется врачу. Незачем меня глазами сверлить!

– Спокойно, – велел Олег Николаевич, – давайте без паники. Будем рассуждать логически. Что мы имеем на данном этапе? Больного Костина без желудка, с тошнотой и пугающим анализом. Так?

– Верно, – прошептала я. – Сделайте что-нибудь!

– Что? – округлил глаза Олег Николаевич.

– У нас есть деньги, мы можем продать квартиру, – начала я загибать пальцы, – машины... Спасите Володю, положите в больницу!

– А смысл? – склонил голову Олег Николаевич.

– Пришлите ему желудок! – взмолилась я.

Хирург хмыкнул:

– Это невозможно. По идее, вашему Костину место на кладбище, а он сидит в буфете. Значит, ему естественно жить так.

– Как?

– Без желудка, – подытожил он. – Ваш... э... сожитель когда в последний раз диспансеризацию проходил?

– Понятия не имею. Он милиционер, – напомнила я, – их по службе заставляют поликлинику посещать, только не знаю, как часто.

– Смею предположить, что во время последнего осмотра врачи ничего особенного не обнаружили, иначе б его комиссовали, – в задумчивости пробасил он. – Хорошо, поступим так. Первое: самому Владимиру ничего не говорите, мужчины мнительны, еще сляжет в койку и умрет.

– Помните Алешкина? – оживилась Валентина.

Врач предупредительно кашлянул, но медсестру уже понесло по кочкам.

– Напутали в регистратуре, – затарахтела дурочка, – не ту карточку доктору приперли. У него в кабинете Алешкин, а девчонки принесли документы Алешина. Врач возьми да ляпни: «Милейший, у вас классическая картина инфаркта!» Алешкин брык – и набок. Помер в одночасье. От стресса. Ой, мужики! А у него-то всего лишь язва была, сердце у Алешина болело.

– Чему учит нас этот случай? – назидательно поднял указательный палец хирург. – Психология очень важна! Делайте выводы. Костину ни гу-гу об отсутствии желудка! Скорей всего, он таким родился. Непонятно, правда, почему не умер и как в роддоме патологию не обнаружили. Но всякое бывает. А вот если сейчас он о диагнозе узнает, ему точно кирдык. Значит, молчок!

Я закивала:

– Понятно.

– Далее! Придете ко мне через две недели. Подумаю, проконсультируюсь у профессора, пораскину мозгами и решу, что делать.

– Положите его в хирургическое отделение! – взмолилась я.

– Нет необходимости, – пожал плечами Олег Николаевич. – Отсутствует ли желудок с младенчества или рассосался в ходе жизни, мы не знаем. Но ведь Костин не жаловался раньше на нездоровье?

– Нет.

– И под каким предлогом его в больницу поместить? Он заподозрит плохое и за сутки умрет.

– Его тошнило! – закричала я.

– Ладно, – сдался хирург, – если состояние начнет ухудшаться, приходите раньше, а коли ситуация стабилизируется, являйтесь в указанный срок. Главное, помните: Костин не должен заподозрить у себя болезнь, иначе каюк. Живите, как жили, вот только постарайтесь перевести его на подходящую диету.

– Какую?

– Можете купить в ларьке у входа брошюру «Питание после резекции желудка», – посоветовал он. – Но еще раз предостерегаю: прячьте от него информацию.

– А то вдруг как с Алешкиным получится... – вздохнула Валентина.

– Это все, что пока можно сделать? – затряслась я. – Диета, сохранение тайны и визит к вам через две недели?

Олег Николаевич кивнул.

– Может, витаминчики поколоть? – вдруг предложила Валентина. – Ну те, французские.

– Не помешает, – согласился хирург, взял со стола чистый рецепт, черканул на нем пару слов и протянул мне. – Идите в нашу аптеку, там они точно есть, чуть дороже, правда, чем в городе, зато качество гарантировано. Увы, сейчас много подделок. Вот чек, оплатите в кассе.

– За витамины? – спросила я, придавленная к полу сообщением о состоянии здоровья Вовки.

– Нет, за визит.

– Мы же купили контракт...

– УЗИ в него не входит, – рассердился Олег Николаевич, – и анализ вам сделали спешно.

Ну, народ! Спасаете их от смерти, а они, даже стоя на краю могилы, жадничают!

Я взяла все бумажки, вышла в коридор и спросила у бабки, сидевшей ближе всех к кабинету:

– Где тут буфет?

– Не ходи, там дорого, – предостерегла старуха.

– Хорошо, все равно подскажите дорогу.

– Ох, молодежь, не хотите разумное слушать! – занудила пенсионерка. – Лучше яблочко сгрызть, чем по буфетам шастать!

– У ней денег немерено, – заскрипел старик в красном свитере.

Провожаемая недобрыми взглядами, я вернулась к рецепшен и обратилась к администратору:

– Как пройти в столовую?

– У нас кафе, – торжественно поправила та.

Испытывая огромное желание стукнуть тетку по башке, я проскрежетала сквозь зубы:

– И где сие заведение?

– На минус первом этаже, – сообщила противная баба.

Глава 4

В небольшой комнате было всего три столика и никаких посетителей. За стойкой возле кофемашины скучала толстая брюнетка.

– Пообедать хотите? – с надеждой спросила она. – У нас вкусно...

– Сюда заходил мужчина? – невежливо перебила я ее.

– Высокий, симпатичный, холостой? Володей звать? – заулыбалась буфетчица.

Я села на стул. Ай да Костин, похоже, умирать он не собирается!

– Да, он. Скажите, что ел высокий, симпатичный, холостой Володя?

Брюнетка ответила:

– Четыре сэндвича «Больница».

– И из чего они состоят?

– Копченая колбаса, помидоры, майонез, чеснок, листья салата, сверху сыр, все уложено на багет со сливочным маслом.

– Ага, – кивнула я.

– Кофе пил, – продолжала буфетчица, – три кружки, со сливками и сахаром.

– Ясно. А куда он пошел, подкрепившись?

Брюнетка одернула слишком узкую кофту.

– По телефону ему позвонили. Видно, начальник! Только ваш сигареты вытащил, сотовый запиликал, он его схватил и как рявкнет: «Да, Владимир. Без меня не начинайте, уже еду!»

– Спасибо, – мрачно поблагодарила я, поднялась наверх, оплатила в кассе счет за УЗИ, подошла к аптечному киоску и сунула в окошко бумажку. – Такое лекарство есть?

– Две тысячи сто рублей, – прозвучало в ответ.

– Ничего себе! – не выдержала я.

– Мы гарантируем подлинность препарата, – сухо пояснил мужчина в синей тужурке по ту сторону прилавка. – Поищите в городе, там, вероятно, обнаружите дешевле. Но где уверенность, что в ампулах не вода?

– Давайте витамины, – попросила я. – Скажите, их надо колоть?

– Внутримышечно.

– А выпить их нельзя?

– Ну, в принципе можно, только зачем? – удивился аптекарь. – Или вы до такой степени инъекций боитесь? Я бы не советовал принимать данное средство орально, можно навредить желудку. Купите шприц для диабетиков, там крохотная иголка, комар скорее кусается.

В полном обалдении я вышла на улицу и решила позвонить Вовке. Я понимаю, что произошло. Костина перестало мутить, он наелся бутербродов, налил кофе, и тут ему позвонили с работы. Небось обнаружился очередной труп, вот майор, забыв обо всем, и рванул на место происшествия. С одной стороны, я должна радоваться его активности, больной человек не кинется сломя голову на службу, да и сэндвичи с майонезом он лопать не станет. С другой – теперь, когда я знаю всю правду о состоянии Вовки, должна постоянно держать его под наблюдением.

Я вытащила сотовый, он моментально затрезвонил, я откинула крышку.

– Слушаю.

– Евлампия?

– Да. Это кто?

– Ия.

– Кто? – не поняла я.

– Ия. Мы с вами некоторое время назад общались в поликлинике. Неужели вы забыли?

– Великолепно помню вас. Но каким образом вы узнали номер телефона? – удивилась я.

– Вы держите мой аппарат.

– Ваш?

– Ну да. Телефоны у нас одинаковые, даже цвет идентичный, красный, – пояснила Ия, – оба лежали на столике, вы услышали объявление, схватили мобильный и побежали, а я пошла по своим делам. Сейчас завибрировало в кармане, я взяла трубку, а оттуда раздался незнакомый голос: «Лампуша, не волнуйся, здесь связи нет, я не сумею в ближайшие дни дать о себе знать...» – дальше прервалось. Вот я сразу и сообразила, какая случилась незадача.

– Это Катя звонила, – невесть зачем сказала я, – она в командировке, наверное, ее повезли в отдаленный район...

– Надо бы обменяться сотовыми, – перебила Ия. – Вы сейчас где?

– Стою около поликлиники.

– Можете доехать до кафе «Чухра»? Оно возле метро «Белорусская».

Я посмотрела на часы.

– Минут через сорок докачу, на Ленинградке всегда пробка.

– Я подожду, – без всякого недовольства ответила Ия. – В моем телефоне записная книжка, мне без нее никак.

Дорога заняла чуть больше часа. Кое-как втиснув машину между двумя здоровенными джипами, я ужом выползла из еле-еле приоткрывшейся двери, зашла в скромную забегаловку и тут же увидела Ию. Она сидела в углу, перед ней на столике, накрытом клетчатой скатертью, стоял высокий стакан с остатками кофе.

– Извините, пожалуйста, – сказала я, подсказывая к dame, – быстрее доехать не удалось.

– Я никуда не тороплюсь, – грустно ответила Ия. – Лапочка на танцах, занятия закончатся через два часа. Времени у меня навалом. Вот ваш телефон.

Я взяла мобильник и протянула Ии ее аппарат.

– Возьмите и простите меня.

– Ерунда, вы просто сильно испугались.

– Это правда, – кивнула я.

– Надеюсь, все обошлось?

– Да, – покривила я душой, решив, что нет никакой необходимости посвящать в свои проблемы постороннего человека.

– Я очень хорошо понимаю ваше состояние, – продолжила Ия. – Лучше самой в больницу палату попасть, чем наблюдать, как погибает близкий человек! У меня дочь умерла в самом расцвете лет, молодая, красивая, умная, талантливая...

Я опустила глаза. Всегда испытываю дискомфорт, когда надо посочувствовать человеку, который потерял кого-то из близких. Ну чем утешить? В любом другом случае я непременно найду нужные слова. Впрочем, мне намного легче оказать помощь действием. Если знакомые болевают, я устраиваю их в больницу, нуждаются в деньгах – одалживаю посильную сумму, ну и так далее. Но в случае смерти любимых родственников... Тут как ни утешай, что ни делай, легче-то человеку не станет!

– Зочка была красавица, – шептала Ия, – а ее убили...

– Примите мои искренние соболезнования, – произнесла я ничего не значащую фразу.

– Ее убили, – с упорством повторила Ия, – а дело замяли, чтобы честь мундира не замазать. Киллеры в белых халатах! Откуда у этой бабы медальон? Ага, молчите... А я знаю! Видела! И сегодня убедилась: она его носит, ничего не стыдится! Милиционерам же возиться не хочется. Представляете, они меня сумасшедшей считают! Едва появляюсь в отделении, тут же дежурный говорит: «Иван Сергеевич на задании». Но я не дура, его машину во дворе видела, значит, он сидит в кабинете. Просто сообразил: с Ии Вадимовны ему ничего не взять. Что у нее есть? Ни денег, ни связей. Мне все ясно! Зочку убили, а после смерти ограбили. Одного не пойму: медальон-то вместе с дочкой в могилу закопали, а тут, гляжу, он на шее у

докторши висит. Я ведь случайно его увидела, меня в эту, с позволения сказать, поликлинику волею случая занесло – аллергия началась, приятели посоветовали в платную обратиться. Вот и заглянула в медцентр, реклама понравилась: «Мы поможем всем». Такое место оказалось! Обираловка, за каждый чих платить надо. Полы мраморные, мебель кожаная, а специалисты дерьмовые. Извините, конечно, за грубость, но эти слова лучше всего характеризуют квалификацию тамошних врачей. Хотя какие они медики? Деньгососы! Хожу, хожу туда, а толку – никакого. Но главное – медальон... Я не ошиблась, помню вещь с детства, похоронила ее вместе с Зоей... Представляете, он на дочери в гробу был, а тут увидела на чужом человеке! Вы мне поможете?

– Конечно, конечно, – закивала я, великолепно зная, что с сумасшедшими спорить нельзя. А тетка была явно ку-ку.

– И телефончик свой дадите?

– Записывайте, сто сорок четыре... – бойко затараторила я.

Ия осторожно понажимала кнопки.

– Это точно ваш номер?

– Да, да, не сомневайтесь, – улыбнулась я, вставая из-за стола. – Извините, я тороплюсь, вынуждена бежать, вы мне звякните как-нибудь, поболтаем на досуге.

Ия уставилась на свой мобильный, я бочком-бочком двинулась к двери. До свободы осталось два шага, и тут Ия сказала:

– Абсолютно не сомневалась, что вы меня обманете, дадите взятую от фонаря комбинацию цифр. Набрала вот ваш номер, а у вас мобильник молчит...

Ия положила сотовый на скатерть и вдруг весело улыбнулась.

– До свидания, Лампа. Я хорошо вас понимаю! Небось много народу к вам пристаёт? Когда живешь с большим начальником, всегда так. Простите меня, уцепилась за надежду, а сейчас лишилась иллюзий. Ну с какой стати вы мне помогать стали бы? Мы не подружки, не родственники... Правильно говорят: человек человеку – волк.

Меня словно окатило ледяным душем. Как все люди, я могу приврать и пару раз попадала из-за этого в глупые ситуации.

Вот вам недавний пример. Неделию назад я столкнулась в лифте с Нинкой из двадцать восьмой квартиры. Соседка стала взахлеб рассказывать о замечательном фильме, который посмотрела накануне, и сказала:

– Давай дам диск.

– Потом, – отмахнулась я.

– Нет, сейчас, – уперлась Нина, – это надо всем посмотреть.

Поняв, что лучше, как в старом анекдоте, отдался, чем отбиваться, я покорила обстоятельствам, зашла к Нинке, получила от нее диск и наставление:

– Прямо сейчас отложи все дела и посмотри кино.

Я вошла в родную квартиру, бросила пластмассовую упаковку на тумбочку у вешалки и занялась приготовлением ужина.

Через два часа раздался звонок, и на пороге появилась Нинка. Я, не дав ей и рта раскрыть, мигом отдала фильм и сказала:

– Потрясающая картина, я получила массу эмоций, спасибо за доставленное удовольствие, сейчас мне надо картошку почистить, извини, не до разговоров...

Нина захохотала и открыла упаковку – внутри было пусто.

– Здорова ты, Лампа, брехать, – констатировала соседка. – Диск-то, оказывается, мой Колька в плеере забыл, я тебе коробку дала, а внутрь не заглянула. Сейчас захотела новую кинушку посмотреть, ткнула в кнопку, он и выехал!

Конечно, мне было неудобно, но неприятное ощущение продлилось секунду.

– Сама ты, Нина, виновата, – ответила я, – пристала с ножом к горлу, вот и пришлось покривить душой. Не нужно думать, что все окружающие должны разделять твои интересы..

Нинка надулась и ушла. На следующий день я заглянула к ней с пирожными, и отношения восстановились. Но сейчас ситуация была иной.

– До свидания, уважаемая Лампа, – повторила Ия и уставилась в окно.

Я вернулась к столику, села на стул и сказала:

– Извини.

– Ладно, проехали, считай, что я ни о чем не просила, – ответила Ия, не отрывая взгляда от чисто вымытого стекла.

– Костин не генерал, – начала оправдываться я.

– Маршал, – поправила меня Ия.

– Да наврала я все! Хотела, чтобы к нему повнимательней в поликлинике отнеслись.

– А-а-а! Понятно.

– Он обычный майор, правда, сейчас стал начальником отдела и должен вот-вот получить новое звание.

– Поздравляю, – равнодушно обронила Ия.

– Мы не любовники, просто друзья.

– Замечательно!

– Обиделась?

– Конечно, нет, – усмехнулась Ия, – злиться можно лишь на близких людей. Недаром, повторяю, говорят, что человек человеку – волк.

– В коммунистические времена, кстати, существовал иной лозунг, – возразила я. – Насколько помню, он звучал так: «Человек человеку друг, товарищ и брат».

– Не смейся, – фыркнула Ия.

– Что случилось с твоей дочерью?

– Она умерла.

– От чего?

Ия оторвалась от окна.

– Бессмысленная беседа. Твой майор не станет мне помогать, никаких поводов к открытию дела нет. Я ж говорю, в обычной милиции я уже была. А еще обращалась в частную детективную контору, но там сказали, что не имеют права работать по убийству.

Я вынула из сумочки визитку.

– Вот, смотри.

Ия вскинула брови.

– Частное детективное агентство «Лисица»? Ну и ну...

– Видишь, я могу оказаться полезной.

– Спасибо, но я уже отказалась от идеи найма Шерлока Холмса.

– Давай поговорим, – не успокаивалась я, – спокойно, как приятельницы.

Внезапно Ия кивнула:

– Хорошо. Не знаю почему, но ты вызываешь у меня доверие. И потом, мне на самом деле не с кем посоветоваться. Представляешь, до какого отчаяния я дошла, если бросилась к абсолютно незнакомой женщине с безумной надеждой: ее муж – большой начальник, авось пособит?..

– Рассказывай, – велела я.

Ия вытащила из сумочки сигареты.

– Зою я воспитывала одна, муж сбежал сразу после рождения дочери. Анатолий хотел ребенка, видел в мечтах белокурую, кудрявую крошку, нежно говорящую «папочка, папочка»...

И на самом деле родилась девочка, только действительность сильно отличалась от иллюзий. Зочка оказалась капризной, плакала ночи напролет, плохо ела и постоянно болела. Ия была вынуждена сидеть с ребенком, на одну зарплату в семье стало меньше, а расходы увеличились. Младенец стремительно вырастал из одежек, а стоят они совсем не малые деньги. Зоя очень уставала за день, на ужин в доме теперь были лишь сосиски, интимная жизнь супругов разладилась... Некоторые мужья не выдерживают испытания ребенком и убегают. Анатолий оказался из их числа. Однажды он не вернулся домой с работы. Поздно вечером, почти ночью, он позвонил жене и сказал:

– Можешь меня не искать, я полюбил другую. Прости. Квартира остается тебе.

– Жилплощадь и так моя, – ошалело заметила Ия, – Я живу здесь с детства, а ты прописан у своих родителей.

– Вот и славно, – весело откликнулся супруг, – получается, нам делить нечего. Я устрою новую жизнь и начну платить алименты.

– Да пошел ты! – заорала Ия и швырнула трубку.

Никогда более она с отцом Зои не разговаривала, никакой помощи от супруга не получала и общения с Анатолием не искала. Ия Крон была слишком гордой, сама решила поставить на ноги свою маленькую Зою. Сначала было очень тяжело, но потом все наладилось.

Ия отдала дочку в ясли и отправилась на работу в маленькую фирму, стала секретарем директора. Денег хватало впритык, зато имелась отличная квартира, доставшаяся от родителей, и кое-какие семейные ценности, например, бриллиантовые сережки бабушки.

Ия запас не транжирила, залезала в него лишь в самые тяжелые моменты. Жила – не тужила. Есть работа, дочь, ну что еще желать женщине? Мужа? Но предательство Анатолия так ее обидело, что Ия убедила себя: представители так называемого сильного пола ей не нужны.

Через некоторое время судьба жалилась над Ией. Дочурка перестала болеть, пошла в школу и превратилась в настоящую красавицу. К внешней привлекательности прилагались незаурядный ум, усидчивость и работоспособность. С самого первого учебного дня в дневнике Зои Крон стояли лишь пятерки, даже четверки туда не заглядывали.

Маленькая фирма, где Ия по-прежнему секретарствовала, неожиданно-негаданно расцвела. Прежний директор умер, ему на смену пришел его сын, молодой парень, который не заменил опытную помощницу длинноногой Барби. Дела молодой хозяйин повел жестко, и очень скоро крохотное предприятие, еле-еле выживавшее на рынке, превратилось в процветающее. Ия обрела сначала статус помощницы начальника, затем стала директором по административно-хозяйственной части. Служебные обязанности возросли многократно, но в геометрической прогрессии увеличилась и зарплата.

Наступила сплошная белая полоса. Радовало Ию все, и в первую очередь Зоя. Несмотря на пятерки и откровенную любовь учителей, девочка пользовалась авторитетом и у одноклассников, в квартире Ии всегда толклись дети, в основном мальчики. В отличие от мамы дочь не чуралась парней, более того, ей нравилось внимание со стороны противоположного пола, но серьезных отношений девочка не завязывала, просто кокетничала.

Как-то раз Зоя вместе со своей лучшей подругой Аллой случайно зашла в спортивный комплекс и заглянула в секцию стрельбы. В просторном зале оказались одни разновозрастные пареньки, от первоклассников до студентов, тренеры тоже были мужчинами, и Зоя с Аллой начали строить глазки всем подряд.

– Девушки, – сказал один из наставников, – записывайтесь к нам, разбавьте суровый коллектив.

– Я подумаю, – улыбнулась Зоя, но на следующий день и правда пришла в секцию.

У девочки оказался верный глаз и крепкая рука, на новенькую обратил внимание главный тренер команды Алексей Порфирьевич и начал обучать ее снайперскому искусству. Зое неожиданно понравилась стрельба, и очень скоро она стала побеждать на соревнованиях.

Ия поначалу расстроилась: ну что за спорт такой – палить по мишеням! Мать сходила к Алексею Порфирьевичу и успокоилась. Все выглядело очень прилично, никаких пьяных мужиков, бутылок и сигарет.

В институт красавица, спортсменка, золотая медалистка Зоя поступила легко. Ия расслабилась: слава богу, дочь студентка, выросла, теперь особых глупостей не наделает.

Глава 5

В день восемнадцатилетия Ия подарила Зое медальон невероятной красоты. Золотой овал украшала затейливая буква «З», выложенная разноцветными камешками.

– Это бриллианты, изумруды и рубины, – пояснила Ия. – Обычно последние два камня в ювелирных изделиях не встречаются вместе, считается, будто они не дружат друг с другом, но украшение сделано на заказ. Алмазы символизируют верность, изумруды надежду, а рубины любовь. Носи на здоровье!

– Мамуля! – ахнула Зоя. – Зачем истратила такую кучу денег?

Ия улыбнулась.

– Украшение очень дорогое, тут ты права, но в остальном ошиблась. Я его не покупала.

– А где взяла? – изумилась Зоя.

– Из тумбочки, – засмеялась мама. – Медальон некогда принадлежал твоей прабабке, и у него, кстати, есть секрет. Смотри, если одновременно нажать на два камня, а потом дотронуться до самого крупного бриллианта, то откроется верхняя крышка. Вскрыть подвеску сумеет лишь тот, кто знает последовательность действий, всем остальным она покажется сделанной из цельного куска золота. Вот, обрати внимание...

– Ух ты! – восхитилась Зоя. – Там внутри гравировка!

– «Если смерть разлучит нас, я найду способ отыскать тебя», – расшифровала Ия старинную вязь. – Прадедушка обожал свою жену, он был романтичен, теперь таких мужчин не встретить.

Зоя застегнула на шее цепочку и с тех пор не снимала подарок.

Некоторое время назад Зоя пришла домой с девочкой лет двенадцати с виду.

– Это Лапочка, – сказала она матери. – Она переночует у нас, ладно?

Ия никогда не спорила с дочерью, к тому же у Крон была большая квартира, в которой всегда находилось место для друзей Зои, если они задерживались в гостях и не хотели ночью бежать по пустынным улицам. Но Лапочка выглядела совсем ребенком, поэтому Ия спросила у девочки:

– А твоя семья не будет волноваться?

– Нет, – односложно ответила та.

– Хорошо, – сказала Ия, – но все же давай позвоним твоей мамочке.

– Не надо, – отозвалась гостья.

– Позволь с тобой не согласиться, – нахмурилась Ия. – Родители всегда волнуются о детях! Не приди Зоинька ночевать, я бы...

– Мамуля, – перебила ее дочка, – завари нам свой фирменный чай, пожалуйста.

Сообразив, что Зоя хочет прекратить разговор, Ия отправилась на кухню.

Поздно вечером мать вошла в спальню к дочери и сказала:

– Извини, конечно, но нельзя оставлять дома девочку, не сообщив ее домашним, где она ночует. Наверное, Лапочку уже с милицией ищут!

Зоя отложила книгу.

– У бедняжки нет ни отца, ни матери.

– Вот несчастное дитя! – всплеснула руками Ия. И в ту же минуту вновь насторожилась: – Погоди, значит, она из детдома?

– Нет, она прописана у бабушки.

– Ой, старушка уже точно инфаркт получила! – подскочила Ия. – Немедленно скажи мне номер ее телефона!

Зоя тяжело вздохнула.

– Мамуля, не суетись. Лапочка жила в бараке, там нет телефона. Бабка – алкоголичка, пьет беспробудно, вот девочка от нее и удрала.

– На улицу? – ужаснулась Ия.

– Почти, – кивнула Зоя. – Она в нашем спортивном комплексе полы моет, а спит в кладовке.

– Невероятно, – поразилась Ия. – Кто же ее на работу взял?

Зоя развела руками.

– Документов не оформляли. Лапочка шваброй орудует за еду и ночлег.

– Она не ходит в школу?

– Нет.

– Немыслимое дело! С трудом верится в такое, – затрясла головой Ия. – Бабушку надо лечить, а девочку...

– Куда? – тихо спросила Зоя. – В детдом? Можно она пока у нас поживет? Хоть поест по-человечески.

Ия села в кресло.

– Доченька, когда ты три года назад приволокла котенка, который замерзал в подъезде, я тебе и слова не сказала, назвала его Тихоном и оставила. Но ребенок не кошка, мы не имеем права брать на себя ответственность за чужое дитя. А если бабушка девочки заявит в милицию о пропаже... э... Как ее, кстати, на самом деле звать?

– Оля Ильина, – ответила Зоя.

– Начнутся поиски, – ажитированно продолжала Ия, – нас обвинят в похищении...

– Мама, – усмехнулась Зоя, – о Лапочке давно никто не вспоминал! Тебе жаль тарелку супа бездомному ребенку налить?

– Нет, но надо поставить в известность бабушку, – уперлась Ия.

Зоя встала, что-то написала на бумажке и протянула листок матери.

– Это адрес Лапочки. Я позавчера туда ездила, хотела бабку пристыдить. И поняла бесполезность своих действий, вот потому и позвала девочку к нам. Можешь повторить мой путь, поймешь, как обстоят дела.

На следующий день Ия отправилась на поиски Раисы Ивановны Клюквиной.

Буквально на краю света нашла длинный двухэтажный барак и начала стучаться в разные комнаты. Обитатели трущобы были сплошь гастарбайтерами, подавляющая часть жильцов с трудом произносила фразу: «Моя твоя не понимай». То ли люди и в самом деле не владели русским языком, то ли прикидывались, понять правду было невозможно.

В конце концов Ия нашла бойкую, на удивление трезвую украинку, которая затараторила:

– Райка Клюквина? Та она в шестой, бухая, дрыхнет. Завсегда пьяная, фамилиё своё оправдывает. Клюквина – вот и клюкает!

Ия толкнулась в дверь, на которой мелом была косо намалевана цифра «6». В узком, пеналообразном помещении стоял жуткий, продавленный диван, на котором храпела грязная старуха с лицом, покрытым синяками. Из стены торчала пара ржавых гвоздей, на которых висело бесформенное тряпье, на подоконнике маячили две пустые пивные бутылки.

– Раиса Ивановна, – позвала Ия, – проснитесь!

Бабка подняла голову.

– Чаво?

– Вы о внучке не волнуетесь? – стараясь не дышать, спросила Крон.

– Хде?

– Оля у нас.

– Хто?

– Девочка в порядке.

– Че? Дай на бутылку! – потребовала алкоголичка.

– Нету, – отрезала Ия. – Вам пора бросить пить и заняться уборкой.

– Пошла на... – ответила бабуся.

Ия в полном шоке побежала назад и снова наткнулась на говорливую украинку.

– Побалакали? – спросила та.

– Ага, – вздрогнула Ия.

– Неужто Райка трезвая? – изумилась баба.

– Куда там! – махнула рукой Крон. – Боже, в каком ужасе люди живут!

– Избалованная ты, как я погляжу, – скривилась тетка. – Крыша над головой есть, сортир работает, газ горит, че ишо надо? Вода, правда, только холодная, так в баню сгонять недолго. И не все тут бухальщики, я вот ни капли в рот не беру, работаю.

– У Раисы Ивановны внучка есть, Оля. Не знаете, где родители девочки? – поинтересовалась Крон. – И почему она носит фамилию Ильина, а бабка Клюквина?

Украинка пожала плечами:

– Небось по отцу девка Ильина.

– Куда подевалась дочь Раисы? – настаивала Ия.

– Не знаю, – равнодушно проронила гастарбайтерша, – мне до чужих дела нет, своих на лыжи ставить надо.

Крон вернулась домой почти больная и сказала вечером Зое:

– Это ужасно.

– Съездила? – улыбнулась дочь. – Сильное впечатление, правда?

– И что нам теперь делать? – забеспокоилась Ия. – Лапочку нельзя отправлять домой.

– Пусть у нас живет.

– Это невозможно.

– Почему?

– Ну... кто мы ей? По документам?

Зоя обняла маму.

– Бумаги оформлять не надо. У Лапочки есть метрика, поговори с соседкой из девятой квартиры, Ириной Сергеевной, она в школе директорствует, объясни ей ситуацию, пусть зачислит Олю в класс, я помогу ей пробелы в знаниях заполнить. Будет жить у нас на правах дальней родственницы, получит потом паспорт, и все.

Ия молчала.

– Мапочка! – воскликнула Зоя. – Лапочка не бездомное животное, ну нельзя ее вон вышвырнуть!

– То-то и оно, что девочка не собачка, – вздохнула Ия и, увидав, как у Зои вытягивается лицо, быстро добавила: – Будь по-твоему, но заботиться о Лапочке придется в основном тебе.

– Муся, ты прелесть! – подпрыгнула Зоя.

Самое удивительное, что все сложности разрешились мгновенно. Соседка Ирина Сергеевна, поохав, взяла Лапочку, в свою школу. Оля отъелась, отмылась, превратилась в симпатичную девочку. Найденка изо всех сил старалась быть полезной – мыла полы, выносила мусор, гладила белье.

Ии сначала было некомфортно видеть в своей квартире постороннего человека, но потом она привыкла к Лапочке, оценила ее трудолюбие, замечательный характер, умение быть незаметной. Оля никогда не навязывалась с разговорами, не сидела в гостиной, если там уже устроилась Ия, не протестовала, когда та переключала телепрограммы, не капризничала, не болтала безостановочно и ухитрялась пользоваться ванной, когда в квартире отсутствовали хозяйки. Лапочку даже можно было упрекнуть за молчание – девочка лишний раз не раскрывала рта, она никогда не начинала разговор первой. Ия попыталась выяснить у нее что-нибудь о родителях, но наткнулась на стену. Нет, Лапочка охотно отвечала на вопросы, только ситуация не прояснялась.

– Где твоя мама? – полюбопытствовала Крон.

– Я ее никогда не видела, – грустно сообщила Лапочка. – Вроде она уехала с новым мужем, не с моим папой. Бабушка как-то сказала: «Во шалава, оставила ребенка на три дня и который год глаз не кажет».

– Отец приходил к вам в гости? – не успокаивалась Ия.

– Нет, я с ним незнакома.

– Алименты он платит?

Лапочка заморгала.

– Думаю, нет, баба Рая меня постоянно дармоедкой называла. Впрочем, она пьет, верить такой нельзя. Я ничего про папу не знаю, а в метрике написано: Ильин Николай Петрович. Интересно, сколько людей на свете с таким именем?

– Ты всю жизнь в одном месте жила? – продолжала допрос Ия.

– Я себя только в бараке помню, – вздохнула Оля и по-взрослому серьезно добавила: – Где родилась, там и пригодилась.

– Как же ты, такая маленькая, убежать решилась?

Лапочка вздрогнула.

– Мне уже тринадцать стукнуло, просто я с виду мелкая.

– Пожилой возраст, – протянула Ия.

– К бабушке Петя пришел, – прошептала Лапочка, – и предложил: давай твою к делу приставим. Вот я и испугалась. Ясно ж, ничего хорошего не выйдет, в тюрьме окажусь. Ну я и смылась! Петя из детей делает дырочников.

– Кого? – испугалась Крон.

Лапочка снисходительно улыбнулась.

– Петя вор, ему малыши нужны, щупленькие, чтобы через форточку в чужую квартиру пролезть. Такие гибкие встречаются, сквозь прутья решеток легко проскальзывают. Я верткая, вот Петя и захотел меня у бабки забрать. Но мне неохота в малолетку попасть, там труба – либо убьют, либо уголовницей станешь, я понаслушалась во дворе рассказов. У меня планы: выучусь, получу профессию, выйду замуж, рожу детей и никогда пить не стану. Вот!

К горлу Ии подкатил горький комок. Она обняла Лапочку, крепко прижала к себе и пообещала:

– Все будет по твоему плану, Господь добрый, он тебя в беде не оставит.

– Боженька мне уже помог, – шмыгнула носом Лапочка, – свел меня с Зоей. Вы не волнуйтесь, я потом вас отблагодарю. Станете старенькой, не брошу, куском не попрекну, самое лучшее принесу.

После этого разговора Ия окончательно приняла Лапочку, в их отношениях исчезла натянутость и начала рождаться любовь. Но по-настоящему Лапочку Крон оценила лишь после случившегося несчастья.

Глава 6

Беда, как и водится, подкралась внезапно. Зоя отправилась к стоматологу, вернулась домой бледная и пожаловалась маме:

- Очень больно!
- Что же анестезию не попросила? – изумилась Ия.
- Да сделали укол, но все равно мне плохо.
- Больше не ходи к этой врачихе, – рассердилась Ия.

Зоя кивнула и пошла спать. Наутро боль стихла, девушка уехала в институт, а Ия ушла на работу. Служебные дела потребовали задержаться, Крон весь день не разговаривала с Зоей. В девять часов мать спохватилась и позвонила дочке на мобильный.

- Алло, – ответил незнакомый голос.
- Извините, я ошиблась, – сказала Крон и хотела отсоединиться.
- Ия Вадимовна, это Аллочка!
- Кто? – изумилась женщина.
- Ну я же, Алла, подруга Зои.
- Почему у тебя ее аппарат?
- Вы только не волнуйтесь.
- Говори скорей, – закричала Ия, – что стряслось? Зоя под машину попала?
- Нет, нет! – зачастила Алла. – У нее на занятиях температура поднялась. Да такая высокая! Вот она к врачу и поехала, ее в больницу положили.

- В какую? – заорала Крон.
- В Марьиной Роще, – ответила Аллочка.
- Почему мне сразу не сообщили?
- У вас мобильный был выключен.
- Верно, – вспомнила Ия, – я была на совещании. Быстро назови адрес клиники!
- Может, не стоит еще и вам туда ехать? – засомневалась Алла. – Там Лапочка сидит, Зоя спит. Врачи говорят, это обычный грипп.

- Уже лечу! – воскликнула мать.

Когда Ия поднялась на нужный этаж и увидела серо-бледное лицо Лапочки, стоявшей у входа в палату, тревога стала нестерпимой. Аллы в коридоре не было.

- Ну что? – спросила Крон.
- Лапочка шарахнулась в сторону.
- Не знаю.

Не успела Ия Вадимовна перепугаться еще больше, как из палаты вышел мужчина в белом халате.

- Это ее мама, – выпалила Лапочка и юркнула за доктора.

Медик окинул взглядом Ию.

- Зоя Крон ваша дочь?

- Да, – ответила та.

- Очень сожалею, мы сделали все возможное, но девушка скончалась, – объявил врач.

Ия упала на стул, разом перестав слышать и видеть. Дальнейшие три дня у нее стерлись из памяти. Все скорбные хлопоты взяли на себя Алла и Лапочка, мать, словно автомат, подписывала какие-то бумаги. Очнулась она в момент похорон. Внезапно увидела мертвое лицо дочери, гроб, цветы и спросила:

- Это Зоя?

Лапочка ухватила Ию за плечо.

- Пошли, сядете вон там.

- Нет, – заплакала Ия, – я останусь здесь.
- Пойдемте, – потянула ее Оля в сторону.
- Не трогай Ию Вадимовну, – велела Аллочка, – если она зарыдала, уже хорошо.
- Где медальон? – закричала Крон, шаря руками по шее дочери.
- Я его сняла и спрятала, – быстро сказала Лапочка, – не волнуйтесь.
- Где медальон?
- Я его убрала.
- Где он?
- В ящичке стола.
- Где медальон? – с упорством заевшей пластинки повторяла Ия.
- Дома, – попыталась вразумить ее Лапочка, – он в целости и сохранности.
- Почему дома? – заорала мать, вырываясь из рук девочки.
- Надо было в другое место отнести? – растерялась приемная дочь.
- Зоя его никогда не снимала!
- И чего? – совсем растерялась Лапочка.
- Нельзя без него ее хоронить.
- Ия Вадимовна, никогда в могилу драгоценности не кладут, – попыталась образумить Крон какая-то женщина. – Тем более дорогие!
- Дороже Зои? – воскликнула Ия. – Какое твое дело? Что хочу, то и положу в гроб. Без медальона не дам дочь хоронить!
- Повисла тишина, затем до слуха Крон долетел нервный мужской голос:
- Она с ума сошла! Пусть ей дадут успокаивающее и опускают гроб в яму, могильщики не станут ждать.
- Сам ты сумасшедший! – неожиданно грубо возразила Лапочка. – Раз Ия хочет, вы обязаны ее желание выполнить. Кто-нибудь может меня в квартиру отвезти?
- Ия Вадимовна опустилась на стул и замерла. Сколько времени она так провела, тупо глядя на гроб, Крон не знала.
- В конце концов вернулась Лапочка с украшением. Мать собственноручно застегнула широкую цепочку на шее покойной и отошла в сторону. Ии Вадимовне стало легче, она была благодарна Лапочке, которая сумела выполнить ее просьбу.
- Крон замолчала, я перевела дух и спросила:
- Почему умерла Зоя?
- Ия Вадимовна начала гонять пальцами рассыпанные по клетчатой скатерти крошки.
- Дочь заболела гриппом, температура подскочила на следующее утро после посещения стоматолога. Инфекция уже была в организме Зоиньки, в подобном случае всякие врачебные манипуляции противопоказаны, но дочка ничего не знала о гриппе и отправилась лечить зуб. Вот почему ей было так больно, анестезия не срабатывает, если человек плохо себя чувствует! В процессе лечения Зоя попросила сделать еще один укол, стоматолог не стала возражать, и дочке стало через полчаса совсем худо. Но потом вроде полегчало. Утром Зоя побежала в институт. На первой лекции у нее отчаянно заболела голова, и она, по словам подруги Аллы, приняла анальгин, две таблетки сразу. Но лекарство не подействовало. Сокурсники решили Зое помочь и начали совать то, что имели под рукой, – цитрамон, аспирин, бутылочку с каким-то сиропом. В конце концов Аллочка догадалась отвести еле живую Зою в медпункт, где ей поставили градусник. Ртутный столбик зашкалил за отметку «40». Не слишком умная медсестра дала Зое две капсулы парацетамола и вызвала «Скорую». Пока машина пробиралась по пробкам, дочка потеряла сознание, но по дороге в больницу пришла в себя и даже начала шутить с Аллочкой, которая сопровождала подругу. И та успокоилась. В клинике Зою уложили в палату, и она... умерла.
- Ужас! – ахнула я.

Ия сцепила руки.

– Увы, ничего необъяснимого в этом нет, и винить вроде как было некого. Медсестра велела проглотить жаропонижающее, «Скорая» сделала укол этого... ну... забыла. В общем, дочери ввели очень хорошее лекарство, но при взаимодействии с парацетамолом оно проявляет агрессию, а Зоя еще до посещения медпункта выпила сироп от температуры, в котором содержался тот же парацетамол. Короче говоря, роковое стечение обстоятельств.

Я молча слушала Ию.

– Как ни ужасно это звучит, – говорила та, – но кончина Зои казалась мне в тот момент объяснимой.

– Казалась? Что же тебя теперь так потрясло? Я вообще-то решила, что ты хотела возбудить дело против врача, который в клинике занимался твоей дочкой, а в милиции отказались. К слову сказать, привлечь к суду медиков очень и очень сложно!

Крон помотала головой:

– Нет. Я попыталась начать жить без Зои. Спасибо, Лапочка рядом, старается изо всех сил, зовет меня мамой, но ведь родную дочь никем не заменить. Лапочка замечательная девочка, хочет меня расшевелить, приободрить, но... А теперь о сути дела. У меня на лице появились странные красные пятна, явно аллергического происхождения. Я после смерти Зои принимаю разные успокоительные таблетки, а они не действуют, вот я и покупаю все новые и новые упаковки. Последней была коробка с бицином,¹ я съела таблеточку и спустя двадцать минут стала кашлять, чихать, чесаться. Я пошла к специалисту. В регистратуре мне посоветовали, – ровно вещала Ия, – заводчелением Мячину Ирину Львовну. Представляешь мой ужас, когда я увидела на шее у доктора... там висел...

Крон поперхнулась.

– Что? – не сдержала я любопытства.

– Медальон, – сумела наконец выговорить Ия, – тот самый, который я похоронила вместе с Зоей.

– Не может быть!

Крон медленно перекрестилась.

– Пусть меня паралич разобьет, если вру.

– Ты не лжешь, а ошибаешься.

– Нет.

– Вероятно, существуют другие такие подвески, – предположила я.

– Исключено, – решительно возразила собеседница. – Ведь я уже рассказывала, что прадедушка специально заказал драгоценность для любимой жены и велел выгравировать надпись.

– Случаются совпадения.

– Но не такие. Зою ограбили! Я хочу, чтобы вора посадили в тюрьму, а медальон вернули мне. Я его снова надену на шею дочери! – истерически воскликнула Крон. – Я попыталась обратиться в милицию, но без толку...

– Зою похоронили, – попробовала я привести в чувство Крон. – Зачем ей медальон?

– Я так хочу! Разрою могилу и верну его на место.

– Эксгумация – дело не простое.

– Я добьюсь разрешения! Или нет, сама, тайком...

– Право, не стоит, – забормотала я, – живым надо жить, у тебя осталась Лапочка. А с украшением вышла какая-то ошибка.

Ия Вадимовна судорожно обернулась.

– Ладно, скажу основное. Но учти, ситуация очень странная. Зоя жива! Она ждет от меня помощи! Ей плохо!

¹ Название придумано автором.

Я беспомощно оглянулась по сторонам. Нет, Крон все-таки сумасшедшая!

– Нет-нет, я не потеряла рассудок, – сказала Ия, верно истолковав мое движение, – очень хорошо понимаю, что ты считаешь меня невменяемой идиоткой!

– Что ты, мне в голову такое не придет! – воскликнула я, стараясь, чтобы вышло искренне.

– Всем приходит, – усмехнулась вдруг Крон. – И ты не исключение. Когда я в милиции то же самое рассказала, участковый извинился, вышел в коридор и, вот идиот, как гаркнет: «Мишка, вызови врача! У меня психопатка сидит, натурально из дурки удрала, фотки ей присылают с того света». Ну я и ушла скорехонько, пока и правда в дурдом не заперли.

– Фото? – удивилась я. – Ты ему разве не про медальон рассказывала?

– И про него тоже, – кивнула Ия Вадимовна. – Но еще... Ладно, считай меня шизофреничкой, ей-богу, теперь мне наплевать, я все тебе скажу. Только я ума уже поднабралась. Имей в виду: если сейчас, узнав правду, скажешь, что тебе надо в туалет, а сама позвонишь и пригласишь сюда психоперевозку, мигом отопрусь. Просто заявлю медикам: «Ничего не слышала и не видела, женщину эту встретила второй раз в жизни, сначала в поликлинике столкнулись, теперь она за мной сюда прито пала. Еще разобраться надо, кто из нас больная». Вот и все.

Я заморгала, а Ия, опустив вниз уголки рта, прошептала:

– Она мне прислала снимок.

– Кто? – решила уточнить я. – Врач с медальоном?

– Нет, Зоя.

– Когда?

– Пару дней назад, – ответила Крон.

– Послушай, ты...

– Ага, хочешь сказать: посиди тут, а я в туалет схожу? – издевательски перебила меня Ия. – Предупредила ведь, не надо вызывать психиатра.

– Послушай, – повторила я, – ты обозналась, и можно понять почему. Смерть дочери любую нормальную мать из колеи выбьет. Даже у стопроцентно здоровой женщины глюки пойдут. Тебе и впрямь необходим врач, но я его сейчас приглашать не стану, доктор со «Скорой», даже специализированной, не поможет, нужен человек, который станет наблюдать за тобой, корректировать поведение. Думаю, психолог подойдет.

– Я не шизофреничка!

– Разве я говорила о психиатре? Стресс, депрессию, навязчивые состояния достаточно успешно лечат психотерапевты.

– Не нужны мне никакие душеведы! – резко заявила Ия. – Вот, смотри.

Быстрым движением Крон вынула из сумки фотографию, я уставилась на снимок. Комната, похоже – больничная палата, на кровати сидит девушка в голубом халате, на ее лице застыло суровое выражение.

– Переверни и прочти надпись, – велела Крон.

– «Гу любит Фо, помоги», – озвучила я то, что увидела на обороте карточки.

– Ну как? – почти равнодушно поинтересовалась Крон. – Впечатляет? После погребения дочь шлет матери снимок и умоляет о помощи.

– Это ее изображение?

– Да.

– Ты уверена?

– Абсолютно! Вот, смотри.

Ия открыла свой мобильный, я увидела вместо заставки фото очень похожей девушки.

– Это Зоя, – пояснила Ия. – Видишь, вот тут родинка? И на фото она есть.

– Кто-то решил над тобой поиздеваться, – пробормотала я. – Есть такие умельцы, любой снимок сварганят.

– И зачем людям понадобилось делать такое? – мрачно спросила Крон.
– У тебя есть враги?
– Да нет. Никого особо не обижала.
– Иногда, чтобы вызвать чужую ненависть, достаточно купить новую машину или приобрести шубку, – вздохнула я.

Ия Вадимовна заложила за ухо выбившуюся из прически прядь волос.

– Думаешь, некто решил мне насолить? Тайный недоброжелатель?
– Очень жаль лишать тебя иллюзий, но покойники не способны выходить из могилы. Естественно, мерзавца следует найти и наказать! Хочешь, я тебе помогу? Если сейчас мы вместе подумаем, составим полный список твоих знакомых, то в нем непременно окажется и «шутник».

Ия опустила голову.

– Нет, это Зоя! Она жива!
– Прости, я понимаю, твое горе безгранично, но люди не встают из гроба.
– Видела надпись: «Гу любит Фо, помоги»?
– Да, конечно.
– Эти два слога – детские прозвища, о них не знает никто, кроме нас с дочкой. «Фо» – сокращение от «фонарик», – монотонно продолжила Ия. – В детстве я прочитала Зое сказку про гусеницу, которая с фонариком искала друзей. История так понравилась девочке, что мы с ней стали разыгрывать действие по ролям. Ясное дело, дочка была гусеницей, а я всеми остальными. Ну а потом как-то прилипло: Зоя стала называться «Гу», а я «Фо». Мы эсэмэски так друг другу подписывали. Это она написала! Фо – обращение ко мне, понимаешь?

Крон закрыла руками лицо и глухо договорила:

– Моя маленькая, любимая Гу, Фо непременно отыщет тебя... Зоя жива! У нее отняли медальон... Дочку где-то держат... Помоги мне! Ну пожалуйста!

Мне стало до слез жаль бедную женщину.

– Хорошо, давай разбираться.
– Ты поверила! – закричала Ия.
– Ну... в жизни случается всякое, – обтекаемо ответила я, – порой самые фантастические предположения оказываются правдой.

– Зоя жива! Она вернется ко мне! Непременно!

Я встала и обняла Крон за плечи.

– Давай договоримся об одном: ты спокойно выслушаешь то, что я сумею узнать.

Ия откинулась на спинку стула, ее глаза из голубых стали темно-синими, а губы побелели.

– Если выяснится, что фото – жестокий розыгрыш, – через силу продолжила я, – тебе придется во второй раз похоронить Зою.

– Полагаешь, некто до такой степени ненавидит меня?

– Согласись, – сказала я, – медальон может быть просто похожим на Зоин. Я поеду в поликлинику и потолкую с врачом, очень осторожно выясню, откуда у нее драгоценность. Можешь дать мне свой телефон? Не номер, а аппарат.

– Бери, только зачем?

– У меня есть приятель, отличный эксперт, попрошу его изучить фото, пусть определит, один ли человек на снимке и у тебя в мобильнике.

– А он не может ошибиться? – напряглась Ия.

– Нет, Федор специалист высокого класса, – заверила я, – если он скажет: это фотомонтаж, начнем искать человека, которому ты досадила. Кстати, перебери мысленно знакомых, подчиненных, есть ли среди них обиженные госпожой Крон или завистники.

– А если эксперт подтвердит, что на постели сидит Зоя, тогда как?

Я откашлялась и решительно ответила:

– Тогда придется признать существование загробной жизни и уйти в монастырь замаливать грехи. Ладно, хватит заниматься ерундой. Как, ты сказала, зовут врача с медальоном? А заодно назови координаты Аллочки, лучшей подруги Зои.

– Ирина Львовна Мячина заведует терапевтическим отделением в поликлинике, где мы с тобой познакомились, – выдавила из себя Ия, – а Аллочкин телефон легко запомнить, он из одинаковых цифр...

Глава 7

Сев в машину, я позвонила Федору, о котором упоминала в разговоре с Крон, и, о чудо, моментально услышала покашливание и глухой голос:

– Слушаю, Бологоев!

– Ой, Феденька, ты на работе!

– Привет, Лампа, – вновь закашлял приятель.

– Ты просто быстроухий олень! Сразу узнаешь человека! – восхитилась я. Потом, решив, что кашу маслом не испортить, добавила: – Настоящий профессионал.

– Понимаешь, Романова, – засмеялся эксперт, – в Москве найдется мало людей, которые звонят тебе на службу, а затем начинают удивляться, обнаружив разыскиваемый объект в рабочем кабинете. Это нелогично! Вот набери ты номер зоопарка и услышь мой нежный голосок, тут твоё изумление было бы понятно.

– Очень даже логично, – возразила я, – ты вполне мог быть на выезде.

– А перл про быстроухого оленя? – хмыкнул Федя. – Сильное заявление! Назови еще хоть одну блондинку, способную на подобное высказывание.

Я решила не обращать внимания на зубоскальство Бологоева.

– Федюнчик, окажи любезность, помоги!

– Опять разбирать чьи-нибудь каракули? Уволь! Я занят по горло, – решил избавиться от меня эксперт.

– Нет-нет, речь идет вовсе не о моих служебных делах, – пустилась я на хитрость, – Вовка заболел.

– Костин? – встревожился Федор. – Что с ним?

Я на секунду замаялась. Не очень-то красиво ставить в известность о проблемах майора его сослуживца, но мне на самом деле требуется проконсультироваться у специалиста, показать ему результаты УЗИ, а Катя уехала в командировку, связи с ней нет.

– Отвечай немедленно, – потребовал Федя, – не молчи!

Я приняла решение.

– Можно я приеду? По телефону не сумею описать проблему, у меня при себе его УЗИ и анализ крови.

– Давай, – без лишних колебаний приказал Бологоев.

– Закажи пропуск и никому не говори о моем приходе.

– Лучше поторопись, Мата Хари, – отозвался Федор. – Да не заходи в общую комнату, встретимся в тридцать пятой.

Когда Бологоев увидел листок с черно-белыми пятнами, он цокнул языком.

– Это не УЗИ.

– А что? – удивилась я. – Врач сказал, Вовку просветили аппаратом.

– Умных машинок, при помощи которых теперь, на беду, можно изучить больного со всех сторон, напридумывали много, – нараспев пробубнил Федор, уставившись в непонятное мне сочетание линий.

– Врач сказал, что делали именно УЗИ.

– Угу, ясенько, – закивал Бологоев. – Ну, таперича колись! Зачем Костин поперся к коновалу?

Я изложила историю про тошноту и боль в желудке, Федор прищурился.

– Интересное кино.

– Так плохо? – испугалась я.

– Ваще, блин.

– Онкология?! – помертвела я.

– Ага, была, – закивал Болोगоев. – Судя по представленному тобой материалу, объекту изучения хреновее некуда.

– Он умрет?!

– Ну, подобный поворот событий неудивителен, рано или поздно все мы в ящик сыграем, – равнодушно сообщил Федька, взял со стола булочку, откусил от нее, потом, спохватившись, протянул мне остатки плюшки. – Хочешь? Угощайся!

– Как ты можешь есть? – взвыла я.

– Так проголодался же, – пояснил эксперт.

– Вовка одной ногой в могиле, а ты... Хорош друг!

Болोगоев запихнул в рот вторую половину булки и, быстро проглотив, заявил:

– Некоторые наблюдения вкупе с определенными размышлениями позволяют сделать выводы, косвенно указывающие на относительно стабильное состояние здоровья майора Костина.

– Ты можешь говорить по-человечески?

– Разве я лаю как собака? – хмыкнул Федька и схватил с подоконника бутылку воды.

– Издеваешься?

– Вовсе нет. То, что ты назвала результатом УЗИ, демонстрирует печальную картину. У несчастного N, если, как ты просишь, говорить по-человечески, отчекрыжили желудок. Скорей всего, была онкология в запущенной стадии, вот и ампутировали. Нет органа – нет проблемы. Вмешательство проводили недавно, ну... думаю... месяца три тому назад. Конечно, при вскрытии сказал бы точнее, а так могу лишь предполагать. Теперь глянем на анализ крови. Мда-а... Скажи, он принадлежит тому же объекту, что и снимок?

– Да, – прошептала я.

– Я не ошибся. Значит, онкология, – довольно зачирикал Федя. – Похоже, анализ в промежутке между «химией» сделали, лейкоцитов нет. Да-с! Долго он не протянет, хотя случаются чудеса. Вот у меня сосед... Такой положительный дядечка, прямо зубы сводило на него смотреть! Не человек, а электричка! В семь утра на работу уезжал, в девятнадцать возвращался, в субботу с женой-педагогом на рынок, в воскресенье к теще в гости. Во жизнь! Потом у него рак нашли, и запил мой соседушка по-черному. Жену бросил, про ейную маму позабыл, подался в деревню. Я его встретил в тот момент, когда он чемодан к метро пер. Увидел меня, остановился и говорит: «Ну, прощай, Федя. Решил я перед смертью месяц по-человечески пожить, для себя, один, с удочкой и самогонкой. Лечиться не стану. Какой смысл? Измучают только». Ну и пропал. Я уж решил, похоронили его. А тут, совершенно случайно, на вокзале увидел «покойничка». Румяный, веселый, бухой, бабенка около него, причем совсем не учительского вида. И чего оказалось? Онкология испарилась, теперь соседушка в колхозе обретается!

– Вовке тоже из Москвы надо уехать?

– А при чем тут майор? – осекся Федька.

– Ты результаты его исследования сейчас комментировал!

Эксперт почесал обширную лысину.

– Эх, Лампа! Кабы к твоей неумейной энергии еще и ума побольше... Сказал же, операцию бедолаге делали не так давно!

– И что?

– Вовка все время работал, больничный не брал.

– Подумаешь! Утром сходил в больницу, а вечером вышел. Разве так не бывает?

Болोगоев повертел пальцем у виска.

– Ты того, да? После подобной операции люди не одну неделю в клинике лежат, потом инвалидность получают, строжайшую диету соблюдают. А Вовка сегодня утром на моих глазах здоровенный бутерброд с черной икрой сожрал и квасом запил. Я еще ему сказал: «Поосторожней с хавалом, скрутит на фиг!»

– Бутерброд с черной икрой? – поразила я. – Однако! Где он его взял?

– К Резинковой мать прикатила из Астрахани, – пояснил Федор, – привезла трехлитровую банку икры. У браконьеров взяла, малосольную. Долго ей не простоять, вот Лялька и приперла деликатес на работу. Водрузила у Ивана в приемной и объявила: «Ешьте, ребята, иначе стухнет». Наши и навалились. А потом ко мне потопали: дай, Федяша, кому мезим, кому но-шпу, кому уголек активированный. Животы у них от обжорства заболели! А у меня чего, аптека?

– Вот почему Вовку тошнило! – подскочила я. – Но он мне говорил, будто весь день голодный ходил.

– Правильно, – заржал Бологоев, – схомякал трехэтажный бутербродик с рыбьими яйцами и в буфет не пошел. Народ у нас невменяемый, если постоянно не жует, то, значит, совсем голодный. Сегодня я слышал дивную фразу по радио, в новостях мужик сказал: «В знак протеста наш коллектив объявил забастовку: после завтрака никто из сотрудников фирмы не прикоснулся к еде». Если учесть, что выпуск шел в полдень, то от жалости к несчастным офисным работникам у меня слезы из глаз потекли. Вот намучились, сердешные! К десяти на службу пришли, кофейку в организм залили, потом голодовку объявили и до двенадцати дня ни крошки не слизнули. Надо срочно в контору врачей отправить, а то еще массовый падеж бедолаг начнется.

– Но снимок... и анализ...

– Кстати, о том, что ты называешь УЗИ, – оживился Федор. – Делает диагностику умная машина, назову ее понятным тебе словом «компьютер». Так вот, внизу, на краю, обычно пропечатываются имя, фамилия больного и дата исследования. А что у нас?

– Числа нет, – удивилась я.

– А паспортные данные?

– Отсутствуют.

– Отлично! Куда они подевались?

– Их забыли внести! – предположила я.

– А вот это маловероятно, – захихикал Федя. – Комп, он железный, выполняет заложенную в него программу, поэтому и памятливым. Видишь пустое место?

– Да, – кивнула я.

– Здесь и стояли данные. Стерли их.

– Зачем? – изумилась я.

Эксперт поднял лист и посмотрел сквозь него на настольную лампу.

– Восстановить утраченную информацию возможно. А по какой причине ластиком поработали? В некоторых поликлиниках, особенно платных, такая фишка есть: понаблюдают за пациентом, прикинут его финансовые возможности, на встревоженных родственников полюбуются и делают вывод: таких обмануть, как в воду плюнуть. Дальше дело техники: берут снимочек пострашней, анализ поужасней и начинают пугать далеких от медицины людишек. Мол, желудка нет! Кровь сгнила! Выкладывайте денежки, вылечим... Кидалово чистой воды, но народ ловится. Ой, меня реклама умиляет, в особенности та, которая про мочеполовые инфекции. Еду в машине и слушаю завывания из радиоприемника: «А у вас все в интимных местах стерильно? Приходите, уьем бактерии». Мама родная, да если у тебя там полнейшая дезинфекция наступит, то ни пописать не сумеешь, ни...

– Федя, вернемся к нашим баранам, – ткнула я Бологоева в спину.

– То есть к Вовке? – ухмыльнулся эксперт.

– По твоему мнению, нас развели?

– Как малышей на клюкву.

– Ладно, теперь на это посмотри, – приказала я, вытаскивая мобильный Ии и снимок.

– Ничего интересного, обычная фотка, – пожал плечами Федька. – Ой, тут такой прикол! Звоню Натке домой, а телефон все время на факс срывается, я психанул, взял лист бумаги и послал сообщение: «Немедленно возьми трубку». Через минуту из нашего рабочего факса ответ выползает: «Хозяев нету дома, мне не разрешают болтать с незнакомыми людьми. Автоответчик».

– Прекрати душить! – разозлилась я. – Они похожи?

– Кто?

– Женщины. На фото и в мобильном. Лицо одно и то же?

– Не знаю.

– Так посмотри еще раз!

– Зачем?

– Мне надо уточнить: это один человек или разные люди!

Федя подошел к окну, взял с подоконника тарелку и спросил:

– Печенюшку хочешь? Подсохли немного, правда, но вкусные.

– Займись фотками, – велела я.

– Хоть сто раз посмотрю, ничего не скажу, – с набитым ртом ответил Федька. – Экспертиза – дело долгое, муторное, производится с применением специальной техники. Иногда знаешь какие случаи бывают? И не разобраться! Цирк, да и только! Представляешь, привезли в больницу двух водителей, у обоих тяжелые черепно-мозговые травмы.

– Ничего странного я здесь не вижу, – пожалала я плечами. – При ДТП травмы головы – обычное дело.

– Ага, – засмеялся Федька, – верно мыслишь. ДТП действительно было, только машины совершенно целые. Без единой царапины. И как, по-твоему, подобное могло произойти? Мужики еле живы, а автомобили не пострадали. Думай!

– Не знаю, – протянула я.

– Во! – поднял указательный палец Федор. – А ты с какими-то фотками пристала!

– Ну Федюша! – взмолилась я. – Ты же опытный, умный!

– Опыт и ум тут ни при чем, имеются объективные показатели. Ну скажу тебе сейчас: похоже, одна баба, и что? Никакой силы мое заявление иметь не будет, его к делу не приложишь.

– Мне надо уяснить ситуацию как частному лицу. Феденька! Котик!

Эксперт сел на стул и закатил глаза.

– Гос-с-споди... Ладно, оставь. Погляжу.

– Телефон надо отдать, он не мой.

– Вот пристала! Ладно, погоди... – Федя схватил трубку, потыкал в кнопки и коротко велел: – Зайди.

Не прошло и трех секунд, как в кабинет ворвалась девушка чуть старше Лизаветы.

– Слушаю, Федор Петрович.

– Возьми аппарат и сними с него заставку в мою личную папку.

Девочка кивнула и испарилась.

– Наприсылали малолеток, – протяжно вздохнул Федька, – безумных детей. Вчера сидим спокойно, я одним делом занимаюсь, Серега другим, а эта свиристелка, Аней звать, с подружкой по телефону перетирает и вдруг вякает: «Нет, я с ним в кино не пойду. За фигом со старым, тридцатилетним пеньком водиться?» Мы с Серегой чуть с табуреток не свалились. Дожили, блин! Получается, мы, по ее логике, даже не пеньки, а сгнившие дубы!

Я прикусила губу. Ох уж это мужское самомнение! Дубы они... Да Федор с Сергеем тянут лишь на чахлые кустики! Вот их начальник, Матвей Григорьевич, тот да, настоящий полковник. А эти... Сережа в очках, весь согнутый, Федька – патологический обжора, постоянно жует булочки, вафли, сухари, сушки, чипсы, орехи...

– Вот, – сказала Аня, материализуясь в кабинете, – готово.

Я сунула принесенный девушкой мобильный в сумку.

– Спасибо, Федюня.

– Пока не за что, – улыбнулся приятель и запихнул в рот очередное печенье.

– Теперь я знаю, как провести разговор с заведующей терапевтическим отделением Ириной Львовной Мячиной. Сейчас прижму ее в угол, ткну в нос бумажками! Уличу в подлоге!

– А ниче не получится, – меланхолично заявил Федя, – отопрется на раз-два. Велит подать чай, кофе, конфеты, натреплет про невероятную загруженность поликлиники. Мол, не справляются они с потоком больных, вот работница регистратуры и напутала, выдала чужой результат. Простите Христа ради, взмолятся твоя Ирина Львовна, она, бедная, одна воспитывает внуков, не губите, не жалуйтесь, ее уволят, выкинут на улицу, младенцы помрут от голода! А потом добавит: подобное не повторится, мы вам сейчас бесплатно новое обследование сделаем. На что спорим? Стопудово такой разговор будет! Вот если б они Вовку уже лечить начали, велели лекарства у них за бешеные бабки купить, тогда по-иному с ними покалякать можно.

– А доктор ему витамины выписал! Очень дорогие!

– И ты рецепт взяла?

– Да.

– Купила?

– Ага.

– В их аптеке?

– Верно.

– Ну и дура, – заржал Федор. – Вот, Ань, слушай и учись. Хоть я и гнилое бревно, да мозг еще не вытек. Лампа меня моложе, а толку?

Провожаемая его ехидными замечаниями, я вышла из кабинета и напрямик отправилась в расположенную на углу аптеку. Эксперт оказался прав: хваленые французские витамины свободно лежали на прилавке и стоили в пять раз дешевле, чем в пафосном медицинском центре. Еле сдерживая злость, я села в машину. Ну, Ирина Львовна, погоди, мало тебе сейчас не покажется!

Глава 8

В кабинет к Мячиной я попала до смешного легко. У стойки регистратуры толпилось много народа, администратор не обратила ни малейшего внимания на посетительницу, которая бойко пошла по коридору в глубь медцентра.

Дверь с табличкой «Зав. отделением Мячина И.Л.» обнаружилась в самом конце, у широкого окна. Я поскреблась в филенку, вежливо спросила:

– Можно?

– Войдите, Вика, – донеслось из комнаты.

– А если это не Виктория, то нельзя? – улыбнулась я, вступая в уютный кабинет, совершенно непохожий на врачебный.

Одна стена тут была украшена многочисленными пейзажами в красивых рамках, две другие занимали шкафы с книгами, на окне висела розовая занавеска, на полу лежал ковер, а за письменным столом сидела дама неопределенного возраста. Она сняла очки в модной оправе и вежливо спросила:

– Чем могу помочь?

– Разговор у меня к вам не особо приятный, – честно предупредила я и выложила перед Мячиной витамины. – Вот, купила у вас препарат!

– Хорошее средство, – закивала Ирина Львовна, – мы его многим рекомендуем.

– Отдала больше двух тысяч рублей!

– Увы, качественные медикаменты дороги.

– А сейчас увидела его в городе всего за три сотни целковых. Получается, вы спекулянты.

Мячина вновь надела очки.

– Аптека не принадлежит нам, просто арендует площадь. Если хотите, дам вам телефон их начальства. Только никто не заставлял вас брать витамины здесь, следовало сначала выяснить их цену в городе.

– Ваш врач, Олег Николаевич, настойчиво рекомендовал меня взять препарат именно в центре, говорил о фальшивых средствах, заполонивших Москву.

– И тут он прав, – с достоинством кивнула Мячина, – увы, проблема фальсификатов стоит крайне остро. Лишь в лаборатории можно установить, настоящее ли лекарство вы приобрели, эрзацы теперь выглядят удивительно правдоподобно. А за нашу точку я ручаюсь.

– Она же не ваша, – напомнила я.

Мячина улыбнулась.

– Мы никогда бы не пустили в центр людей с сомнительной репутацией. Но, повторяю, за их ценами я не слежу. Хотите телефон владельца?

– Про аптеку понятно. А за специалистами вы как за отделением приглядываете? Способны подтвердить их квалификацию?

– Естественно. А что случилось?

– Гляньте на УЗИ и анализ.

Мячина протянула руку к бумагам.

– Нехорошо, – покачала она головой, некоторое время рассматривая черно-белую картинку. – Хотя я являюсь узкопрофильным специалистом, но все понятно. На учете в диспансере состоите?

– Считаете, онкология?

– Утверждать не берусь, – обтекаемо, как все медики, завела Мячина, – но положение далеко не радужное и...

– И вы бы не рекомендовали этому больному начинать смотреть новый сериал? – серьезно сказала я. – А то умрет, так и не узнав развязку.

Ирина Львовна отшатнулась.

– У вас своеобразное чувство юмора.

– Сотрудники вашего медцентра еще более крутые шутники! – рявкнула я.

– Вы о чем? – поразила заведующая.

– Сейчас объясню.

По мере того как я выдавала информацию, лицо заведующей менялось.

– Как вас зовут? – с выражением полнейшего смирения поинтересовалась Мячина, когда я замолчала.

Ответ вылетел из меня сам собой:

– Ия Вадимовна.

– Вы работаете?

– Да.

– Кем, если позволите узнать?

– В фирме, – обтекаемо ответила я. Раз уж прикинулась Крон, не следует выпадать из образа.

– Наверное, и у вас случаются накладки. Хотите чаю?

– Нет. И кофе тоже!

– Понимаю, мы виноваты, – засюсюкала Ирина Львовна. – У нас работает Ольга Сергеевна, несчастная женщина...

– ...с тремя детьми, без мужа, – перебила я Мячину, – вся в заботах и материальных тяготах. И, очумев от тяжелой жизни, бедолага перепутала бумажки.

– Откуда вы знаете? – уронила очки Ирина Львовна. – Просто удивительно!

– Если я пожалуюсь главврачу, то Ольгу Сергеевну выгонят!

– Именно так! Дети...

– ...умрут голодной смертью!

– Милая Ия Вадимовна, я великолепно понимаю вас! Пожалейте Ольгу! Давайте мы...

– Еще раз сделаете анализы и окажете все дальнейшие услуги бесплатно, так?

– Ну да, – ошарашенно подтвердила заведующая.

– Нет, ничего этого мне не надо, – ехидно ответила я. – Зовите сюда медсестру из кабинета Олега Николаевича, вроде ее имя Валентина. Она ходила за бумагами, ее и спросим.

– У Вали закончилась смена, – слишком быстро сказала (явно соврала!) Мячина, – оставьте документы, завтра я разберусь.

И тут, словно по воле невидимого, доброго, решившего помочь мне волшебника, в кабинет со словами: «Тетя Ира, уже пора» вошла та самая Валентина.

– Вот и славно, – обрадовалась я, – сейчас потолкуем. Кстати, отчего вы обращаетесь к заведующей столь фамильярно? Почему без отчества?

– Так она мне тетя, – слегка растерявшись, сообщила дурочка, – родная сестра папы...

– Здорово! – воскликнула я. – Семейное дельце намечается!

– Сядь, – устало велела Ирина Львовна племяннице, – и немедленно объясни.

– Что? – захлопала ресницами Валя.

Я взяла со стола анализ крови и помахала им перед носом медсестры.

– Внимание, первый вопрос: из кого взяли кровушку?

– Не виновата я, – завсхлипывала Валя. – Катька попросила, Евгений под Олега копает, а... э... ну... он маршал... мы хотели...

Слезы вперемешку с соплями потекли по круглощечкой мордочке. Ирина Львовна хлопнула кулаком по столу:

– Идиотка! Вытри рожу и говори членораздельно! Вся в отца-полудурка пошла!

Спустя полчаса выяснилась неприглядная правда. Валентина дружит с медсестрой Катей, а у той роман с хирургом Женей, хорошим специалистом, который рассчитывал писать кан-

дидатскую под руководством главврача медцентра. Но планам сбыться не удалось, потому что на работу в клинику взяли Олега Николаевича, полнейшего идиота, зато сына весьма чиновного папы, большой шишки на елке российского здравоохранения. Главврач прикрыл крылом Олега, тот скоро станет кандидатом, а Евгений остался за бортом, поскольку руководитель никогда не занимается двумя аспирантами одновременно. Более того – он отдал Олегу тему Евгения. Понятно, какую любовь Женя испытывал к выскочке. Да еще ему приходилось возиться со сложными случаями, ведь начальство правильно оценивало возможности «сыночка» и ничего, кроме вытаскивания занозы из пальца, ему не поручало.

И тут пришла я, устроила небольшой бенц у рецепшен, превратила Вовку в маршала. Администратор позвонила Евгению, трубку сняла Катя, у которой мигом родился план.

– Отправь его к Олегу, – велела она даме из регистратуры.

А той что, трудно просьбу коллеги выполнить? Вот мы с Костиным и оказались на приеме у неумехи. Та же хитрая Катя дала потом Валентине чужие анализы и картинку УЗИ, приказав:

– Неси кретину.

Валя испугалась было, но Катя настаивала:

– Ты мне подруга?

– Ага, – закивала племянница Мячиной.

– Тогда помоги! В кабинете у Олега маршал со скандальной женой. Идиот Олег ни фиги не поймет, наговорит им чепухи. Маршалыша возмутится, затеет скандал, и нашего блатного вон выпрут. Маршал-то ого-го сколько знакомств имеет!

– И ты согласилась? – взывала Ирина Львовна. – Дура! Дура! Дура!

– Так подруга попросила! – уже в голос зарыдала Валентина.

– Пошла вон! – бушевала тетка. – Сгинь! Исчезни с глаз! Идиотка!

Плача, Валя убежала, Ирина Львовна молитвенно сложила руки.

– Ия Вадимовна...

– Не начинайте песни про бесплатное лечение!

– Душенька!

– Нет и еще раз нет. Сейчас я прямиком отправлюсь к главврачу, пусть уволит всех участников «представления».

– Умоляю! Выслушайте!

– Говорите.

– Мой брат идиот...

– Похоже, доченька пошла в отца.

– Верно, но других родственников у меня нет. Валя, балда, в институт не поступила, вот я и пристроила ее в медучилище, пусть стаж идет...

– А потом вновь штурмовать вуз?

– Верно.

– Как работающая по профессии она без конкурса пойдет?

– Конечно.

– Отвратительно!

– Ия Вадимовна, не губите! Я сделаю что хотите! Любые лекарства, без рецепта! Обследование бесплатно! Только скажите!

– Откуда у вас медальон? – неожиданно задала я основной для себя вопрос.

– Какой? – прекратив истерику, удивилась Мячина.

– На вашей шее висит, золотой с камнями и буквой «З».

– Это цифра «три», – поправила Ирина Львовна, – день рождения моей мамы.

– Так где вы взяли украшение?

– От родителей осталось.

– Красивая вещь. Можно посмотреть?

- Пожалуйста, – кивнула Мячина и сняла цепочку.
 - Антикварная штучка... – протянула я. – Сейчас таких не делают.
 - Вам нравится?
 - Ну... в принципе...
 - Увы, не могу вам его подарить, – живо заявила врач, – это память о родных.
 - Я вроде и не просила.
 - А то я намеков не понимаю! – зло воскликнула Ирина Львовна. – Ясно без слов – хотите за молчание подвеску. Но это слишком! Украшение стоит не одну тысячу долларов.
 - Она же вам от родителей досталась! Откуда вы про цену знаете?
 - Не важно! Если желаете денег, назовите сумму, но она должна быть разумной. Я нажала сначала на маленькие камушки, а затем на самый большой бриллиант.
 - Вау! – по-детски изумилась Мячина. – Он открывается!
 - А внутри гравировка: «Если смерть разлучит нас, я найду способ отыскать тебя».
- Неужели мамочка, от которой вам досталось наследство, ни словом не обмолвилась о секрете? – ехидно спросила я.
- Ирина Львовна молчала.
- Странно, однако, – уперлась я взглядом в сердитое лицо собеседницы. – Обычно пожилые люди обожают рассказывать о подобных вещах.
- Мячина заерзала на стуле.
- Так откуда медальон? – не отставала я.
 - Мама подарила, – уже неуверенно пробормотала заведующая.
 - Самой не смешно?
 - Это вещь семейная, – не сдавалась Мячина, – мамуля долгие годы страдала болезнью Альцгеймера, почти полностью потеряла память, не могла сама в туалет сходить. О каком секрете медальона может идти речь? И какое ваше дело?
- Я встала, оперлась руками о стол, наклонилась к лицу заведующей и четко произнесла:
- Украшение принадлежало Зое Крон. Девушка не снимала его, а потом умерла. Кстати, вследствие врачебной оплошности. Зою похоронили вместе с этой реликвией, а теперь медальон на вашей шее. Интересное кино!
 - Сейчас! Секундочку! Дайте в себя прийти!
 - Откуда у вас медальон? Его опознала мать умершей.
 - Я его купила!
 - Уже лучше. У кого?
 - За очень большие деньги.
 - Меня волнует не цена, а имя продавца.
 - Я очень люблю ювелирку.
 - Так, так...
 - В особенности антикварную.
 - Пока ничего криминального.
 - Могу себе позволить!
 - Отлично.
 - Зарабатываю честно.
 - Кто продавец?
 - Мне сначала показали фотографию с украшением.
 - Имя?
 - Спросили у меня, хочу ли медальон.
 - Фамилия?
 - Я тут же согласилась.
 - Отвечайте на мой вопрос!

– Василий сказал, – дудела в свою дуду Ирина Львовна, – что женщина бедствует, распродает нажитое.

– Его зовут Василий?

– Да, да.

– А фамилия?

– Понятия не имею.

– Откуда вы его знаете?

– На улице познакомились.

Мое терпение лопнуло с оглушительным треском. Наверное, сказалось нервное напряжение, которое я испытала, узнав про страшный диагноз Вовки. Не владея собой, я подскочила к заведующей, вцепилась руками в ее плечи и, тряся ее, как нашкодившего кота, прошипела:

– Медальон сняли с покойницы! Ограбили могилу! Это уголовно наказуемое деяние! Не смейте врать, иначе сейчас же вызову сюда ментов!

– Тише, тише, тише... – зашептала Ирина Львовна. – Отпустите меня, голова болит, плохо мне...

– Будет еще хуже!

– Я все расскажу... все, все...

– Вот и здорово, – пробормотала я, слегка успокаиваясь и садясь на стул. – Если пойму, что вы откровенны, – не устрою скандала. Уволите дуру-племянницу, и по-тихому разойдемся.

– Спасибо, спасибо...

– Мое молчание – за честный рассказ! – напредила я.

– Конечно, я ничего не утаю, – зашептала Ирина Львовна. Потом она кинулась к двери, заперла ее на задвижку и еле слышно вымолвила: – Мы с Василием познакомились на улице...

– Здоровы же вы врать! – снова вскочила я с места. – Хватит!

– Сядьте, пожалуйста, – взмолилась Ирина, – я не лгу. Он и в самом деле ко мне подошел на проспекте, около скупки...

Мячина начала рассказ, я плюхнулась на стул. Похоже, насмерть перепуганная докторша сейчас говорит правду.

Глава 9

Ирина Львовна обожает украшения. Но современные изделия, пусть даже и с большими бриллиантами, не греют ей душу, а вот при виде простенького колечка «с историей» у Мячиной начинается обильное слюноотделение.

Ни мужа, ни детей у Ирины Львовны нет. В советские времена она работала гинекологом. Аборты женщины делают всегда, а при коммунистах ампула с наркозом доставалась далеко не всем, за обезболивание следовало платить. Представляете размер колодца, из которого дама черпала свое благосостояние?

Кое-какие вещички Ирина Львовна получала за эти самые вожаделенные уколы. Гинеколог могла спокойно сказать: «Замечательный перстенок у вас...», и беременная, мечтавшая избавиться от нежеланного младенца, тут же стаскивала с пальца золотое украшение со словами: «Возьмите, только помогите!»

Мячину хорошо знали сотрудницы ломбардов и скупок, звонили ей, если какая-нибудь очередная старушка не выкупала камею или сережки с настоящим жемчугом.

Ирина Львовна не могла объяснить, почему она впадает в восторг, перебирая чужие украшения, отчего ее тянет к вещам с историей. Страсть, как правило, нелогична, а у Мячиной была именно страсть.

С наступлением «демократии» Ирина Львовна пристроилась в один из медицинских кооперативов, бросила гинекологию, занялась администраторством.

Желание скупать ювелирку у нее осталось, но с каждым годом делать это становилось все трудней. Интеллигентные арбатские старушки, способные отдать роскошное ожерелье за пару сотен, вымерли, а их дети хорошо разбирались в оставшихся от бабулек ценностях. Количество ломбардов и скупок увеличилось, приветливых, некогда сидевших в окошках Танечек и Светочек, с готовностью звонивших потенциальным клиентам с сообщением в поступившем раритете, сменили девушки и юноши с цепким взором. Такие не станут работать осведомителем за коробочку конфет.

А еще пришла мода на винтаж, и Ирина Львовна совсем приуныла. Радовать себя новым приобретением теперь приходилось до обидного редко. Не хватало денег, но, главное, не было интересных украшений.

Однажды Ирина Львовна вышла из очередной скупки в горьком разочаровании. Через неделю был ее день рождения, хотелось купить себе подарок, но ничего достойного не нашлось.

– Мадам, – окликнул ее молодой парень, – я могу вам помочь!

– В чем же? – скривилась Мячина.

– Я готов на все, – заявил юноша.

Ирина Львовна хмыкнула:

– Любезнейший, мне проституты без надобности.

– Бабушка, – оскалился незнакомец, – с тобой у меня и за миллион рублей ничего не получится!

Мячина задохнулась от возмущения.

– Че, не сдала сережки? – вдруг спросил жиголо, уставившись на ее уши.

– Молодой человек, – дернулась Ирина Львовна, – вы с ума сошли?

– Эх, бабуса, – развязно ответил хам, – ты ничего плохого не сделала, кушать всем охота, не стесняйся. Лучше порадуйся – повезло тебе сегодня. Слушай сюда. В этой скупке чистые суки сидят, халявщики жадные.

– Мысль выражена грубо, но суть верна, – кивнула Мячина.

– Пошел разговорчик! – обрадовался юноша. – Тебе ведь тут за сережки наверняка копейки предложили?

Тут до Ирины Львовны дошло: перед ней либо начинающий ювелир, либо скупщик-частник.

– И какова цена? – улыбнулась Мячина.

– Начало двадцатого века, – деловито принялся загибать пальцы парнишка, – серебро, изумруды... В скупке ерунду получишь, камни в счет не пойдут, лишь за металл отслюняют, а я дам нормально. Покупатель есть, для дочери такие ищет.

Ирина Львовна расхохоталась.

– И давно ты бизнесом занимаешься?

– Не важно, – гордо ответил сопляк.

– О, господи... – покачала головой дама. – Хоть книги почитай, а то обманут. Для начала: серьги мои из платины.

– Да? – с сомнением покосился на ее уши «коммерсант». – А чего такие... серые, не блестящие?

– Глупышок, – развеселилась Ирина Львовна. – Потому что сделаны не в двадцатом, а в восемнадцатом веке. Вещь сложно оценить издали, надо в руки взять, с лупой изучить. Впрочем, есть много примет, которые сразу в глаза бросаются. Допустим, застёжки.

– Я не хотел вас обманывать, – вдруг сказал мальчишка, – правда, их за серебряные принял.

– Я тебе верю, – похлопала «ювелира» по плечу Ирина Львовна. – Знаешь, почему думаю, что ты не желал меня надуть?

– Не-а.

– В оправе не изумруды, а гранаты. Даже если бы я согласилась отдать тебе платину по цене серебра, получила бы барыш на камнях, – снисходительно пояснила Мячина.

– Не такой уж я дурак, – приосанился незадачливый продавец, – гранаты красные, а тут зелень!

– У писателя Куприна есть произведение, – вздохнула Ирина Львовна, – называется «Гранатовый браслет». Героине дарят это украшение, подобное под цвет глаз женщины. А теперь ответь, эта особа альбинос? Тетя с красными очами?

Юноша разинул рот.

– Ладно, дружок, – завершила разговор Мячина, – понимаю, про Куприна ты не слышал, о зеленых гранатах понятия не имеешь, до свидания.

– А сколько стоят ваши серьги? – уже вежливо, без фамильярного «тыканья», вдруг поинтересовался купец.

– Дорого. И я их не продаю.

– Зачем тогда сюда пришли?

– Ангел мой, если человек заходит в скупку, то не обязательно с желанием избавиться от вещи. Кое-кто думает о приобретении новых ювелирных изделий, – пояснила Ирина Львовна и пошла к метро.

– Бабушка, постойте... – раздалось сзади.

– Прекрати меня так называть! – рассердилась Мячина. – Разве я выгляжу старухой?

– Не хотите брошку? – спросил юноша и вытащил кулек.

Ирина Львовна бросила беглый взгляд на предлагаемую вещь.

– Нет, неинтересно. Мне нравятся лишь старинные украшения, с душой мастера, а эта брошь сделана на заводе, в семидесятих годах двадцатого века. Золота много, камень большой, но – нет огня.

– А что, гореть должен? – по-детски изумился юноша.

Мячина неожиданно ощутила жалость к мальчику.

– Пойдем вон в то кафе, – предложила она, – я объясню тебе простые истины. Тебя как зовут?

– Бэзил, – прозвучало в ответ.

– По-русски Василий?

– Угу, – обиженно кивнул юноша. – Обозвали, как кота, все ржут.

– Мда-а... – крикнула Ирина Львовна. – Книжки по истории почитай. Василий – это от греческого слова «базилеус», в древние времена оно имело значение «царь, царский, царственный». Имя появилось со времени персидских войн, и его давали князьям или правителям.

– Откуда вы столько знаете? – восхитился Вася.

– В твоём возрасте я не у ломбардов толкалась, скупая у старушек серьги, а книжки читала, – назидательно ответила Ирина Львовна.

– Небось у мамы с папой на шее сидели, – отбил мяч мальчик, – а у меня из родителей никого, ещё и бабушку кормить надо.

Вот так Мячину и Василия свел случай. Но врач и юный предприниматель не потеряли друг друга после первой встречи. Василий начал таскать Ирине Львовне украшения, среди которых иногда попадались весьма любопытные экземпляры, а Мячина давала юноше «мастер-класс». Альянс просуществовал двенадцать месяцев, затем Вася исчез. Его мобильный сначала молчал, а потом ответил женским голосом:

– Ни о каком Василии ничего не знаю, номер купила вчера, больше сюда не звоните.

Ирина Львовна не сразу забыла паренька, порой она вспоминала о нём во время своих очередных походов по магазинам, но активных поисков «поставщика» врач не затевала. Да и как она могла предпринять их? Фамилию парня дама не знала, адрес по прописке тоже, о своей личной жизни Василий не распространялся. Ну не идти же в милицию с заявлением: «Помогите найти Васю, который скупает у старушек фамильные драгоценности».

А не так давно в квартире Мячиной раздался телефонный звонок. Смутно знакомый мужской голос сказал:

– Привет, не забыли?

– Кого? – удивилась Ирина Львовна.

– Меня, – донеслось из трубки.

– Молодой человек, вы ошиблись номером, – церемонно ответила Мячина.

Послышался короткий смешок, и «молодой человек» пробасил:

– Ладно, значит, браслет с эмалевыми вставками к другой уйдёт. Красивый наручник, только в одном месте жемчуг умер, но вы же в курсе, как его оживить можно.

– Вася! – ахнула Ирина Львовна. – Где ты пропадал?

– Там меня больше нет, – сурово ответил Василий. – Ну че, столкнемся у «ложки»?

«Ложкой» перекупщики зовут один из ломбардов, специализирующийся на столовом серебре.

Мячина полетела на свидание, и деловые отношения, к обоюдному удовольствию, возобновились. Но Вася уже был иным. Внешне он стал старше, отрезал свисавшие до плеч кудри, вынул из уха и губы сережки, вылез из широких штанов с неисчислимым количеством карманов и здоровенных высоких ботинок со шнуровкой чуть не до колена. Нынче Вася смотрелся прилично: «ежик» на голове, обычные джинсы и черная кожаная куртка. Но основная трансформация произошла с характером парня. Василий теперь обладал цепко-колючим взглядом, начисто разучился болтать по пустякам.

И дела он вел по-иному. Никаких коробочек с ювелиркой у молодого человека более не имелось, он показывал Ирине Львовне цветные фотографии, и если Мячиной нравилось предложение, то через пару дней она получала «заказ». И ещё. Украшения были разными, от простого серебряного браслета до шикарной диадемы, которую Ирина Львовна выменяла у Васи на несколько своих колечек, но очень оригинальными и старинными.

– И медальон вам предложил Василий? – поставила я точку в разговоре.

– Да, – кивнула Мячина, – он. Только про то, что подвеску открыть можно, и слова не промолвил.

– Думаю, он не знал о секрете, – пробормотала я. – Ладно, дайте его телефон, и временно разбежимся. Кстати, подвеску придется отдать.

Ирина Львовна вздрогнула.

– Кому?

– Настоящей хозяйке.

– Как бы не так! – разозлилась Мячина. – Я купила медальон за большие деньги!

– Он украден.

– Докажите! – заведующая отделением азартно стукнула ладонью по стопке картонных папок.

Легкое облачко пыли взметнулось вверх, я чихнула. Захотелось еще сильнее обозлить Мячину.

– Это легко. В семейном альбоме есть тьма фотографий Зои, покойной девушки, с шеи которой сняли драгоценность.

Ирина Львовна схватила за сердце.

– Мне продали украшение с трупа?

– Вы же увлекаетесь антикварными изделиями, – напомнила я, – и должны понимать: подобные приобретения делаются после смерти владельца, и даже не одного.

– Я не об этом, – заволновалась Ирина. – Прекрасно знаю, что кольца, броши и прочие фамильные вещи переходят обычно по наследству, передаются из рук в руки. Но что вы имели в виду, сказав: «сняли с шеи покойной»?

– Зоя скоропостижно умерла, ее положили в гроб вместе с медальоном, с ним и зарыли. И вот, я смотрю, он таинственным образом очутился на вашей прекрасно сохранившейся шее. Не душит?

– К-кто? – прозаикалась докторша.

Я сделала круглые глаза.

– Есть такое поверье: украдешь у покойника вещь из могилы, он потом начнет требовать ее назад, будет приходить по ночам, скандалить, может даже на жизнь вора покушаться.

Мячина безвольно обмякла, как бы растеклась по креслу. С трудом прошептала:

– Я знала... Вернее, подозревала... Слишком много имелось у Васи раритетных штучек, понимаете?

– Не совсем.

– Раньше, до своего исчезновения, Вася приносил гору барахла, за месяц могла одна достойная вещь появиться, а теперь... Камни шикарные, работа старинная... Многие украшения я просто не могла себе позволить – очень дорого! Правда, он мне иногда скидку делал, или мы менялись.

– И вы не поинтересовались, откуда бьет фонтан?

Мячина забежала глазами из стороны в сторону.

– Спросила... как-то раз... А он усмехнулся и ответил: «Не трясись, Ира, они им больше не нужны, хозяйева базарить не начнут. Спокуха, катит шоколадно».

– А теперь не прокатило.

– Мерзавец, подонок, негодяй! Он обворовывает покойных!

– Похоже на то.

– Разрывает могилы!

– Вероятно.

– И что теперь делать?

Я перегнулась через стол и взяла Ирину Львовну за руку.

– Успокойтесь.

– Думаете, легко осознать, что я носила на шее? – взвизгнула Мячина. – А еще деньги...

Кто мне их вернет? Не вы же!

– Нет, конечно, сумму обязан возместить Василий.

– Ха! Ему и в голову не придет подобное. Вот беда... Вот горе... Вот...

– Не надо впадать в отчаяние, – сказала я. – Лучше подумаем, каким образом выпутаться из этой истории с наименьшими потерями.

Мячина вскочила.

– Вы не пойдете в милицию? Не заявите на меня?

– Вы имеете в виду ситуацию с вашей племянницей Валентиной или малоприятное происшествие с медальоном?

Мячина прижала руки к груди.

– Если сейчас начнется следствие, меня выгонят с работы. В клинике тщательно блюдут репутацию! Ужасно!

– Нашей семье скандал тоже не с руки, – подхватила я, – лучше разберемся тихо.

– Как?

– Я хочу получить назад медальон. Логично?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.